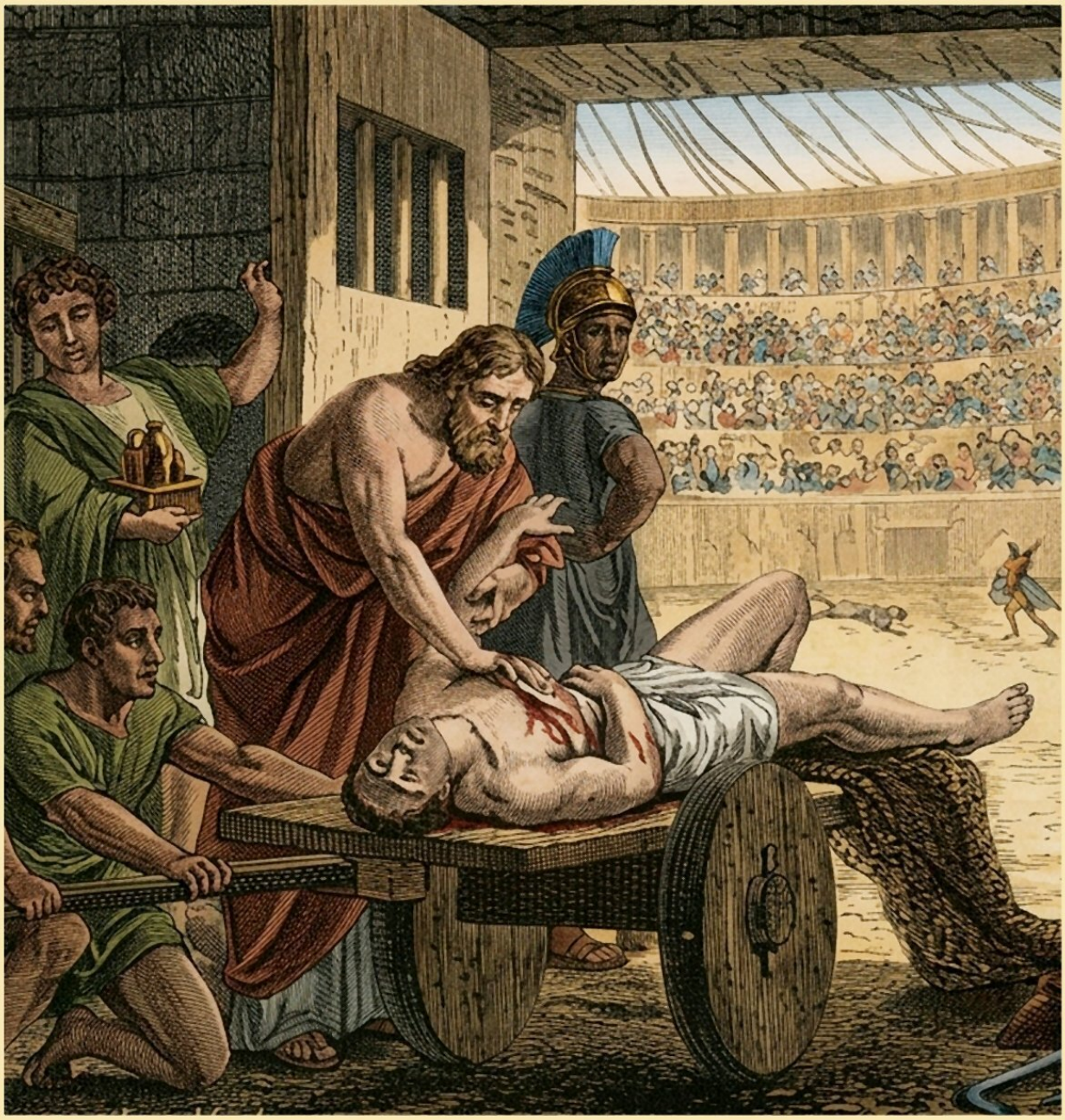

ГАЛЕН

МЕДИЦИНСКОЕ ИСКУССТВО

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Клавдий Гален Пергамский

Медицинское искусство

«Издательство АСТ»

2 в. до н. э.

УДК 61(091)
ББК 5г

Клавдий Гален Пергамский

Медицинское искусство / Клавдий Гален Пергамский — «Издательство АСТ», 2 в. до н. э.

ISBN 978-5-17-188183-2

В этот сборник вошли произведения Галена: «Увещание к занятию медициной», «О том, что наилучший врач — также философ», «Медицинское искусство» и другие. В них автор рассуждает о том, как устроена человеческая жизнь, как важно сохранять не только физическую форму, но и душевное здоровье, о неразрывной связи души и тела и о том, как философия помогает врачу оставаться профессионалом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 61(091)
ББК 5г

ISBN 978-5-17-188183-2

© Клавдий Гален Пергамский, 2 в. до н. э.
© Издательство АСТ, 2 в. до н. э.

Содержание

Гален Пергамский и корпус его сочинений 6
Увещание к занятию медициной 9
Предисловие 9
Увещание к занятию медициной[7] 11
Об упражнении с маленьким мячом 24
Предисловие 24
Об упражнении с маленьким мячом[99] 27
О том, что наилучший врач – также философ 31
Предисловие 31
О том, что наилучший врач – также философ 33
Медицинское искусство 38
Предисловие 38
Медицинское искусство[140] 44
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Гален
Медицинское искусство

© Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии. И. В. Пролыгина, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Гален Пергамский и корпус его сочинений

Гален Пергамский (129–210/217 гг. н. э.) был одним из самых ярких представителей интеллектуальной культуры II–III вв. н. э. и выдающимся врачом поздней Античности, сочинения которого оказали решающее влияние на последующее развитие медицинской теории и практики вплоть до Нового времени. До наших дней дошло около 100 его сочинений: трактаты по анатомии, физиологии, диагностике, прогностике, сфигмологии, диететике, гигиене, фармакологии, терапии и теории медицины. Он внес значительный вклад в разработку таких областей философии, как логика, физика и эпистемология, в которой сочетал приверженность эмпирическому знанию со строго рациональным доказательством. Гален был известен и как блестящий полемист, вовлеченный в научные дискуссии между различными медицинскими школами того времени (эмпириками, методистами и рационалистами). Кроме того, он составил несколько сочинений по этимологии, грамматике и литературной критике, а также многочисленные комментарии на книги Гиппократова корпуса. И по сей день тексты Галена, несмотря на значительное число утраченных произведений, составляют один из самых обширных из дошедших до нас корпусов античных текстов.

Жизнь и сочинения. Гален родился приблизительно в 129 г. н. э. в Пергаме (совр. Бергама в Турции), одном из крупнейших торговых и интеллектуальных центров Малой Азии, входящей в состав Римской империи. Его отец Никон был архитектором и позаботился о том, чтобы дать сыну блестящее образование в области свободных искусств (*De animi aff. dign*.: K. V, 40). Гален с благодарностью вспоминает отца за возможность подробного изучения грамматики, математики и логики (*De libr. pr*.: K. XIX, 58). Философию он постигал под руководством лучших представителей философских школ – платоников, перипатетиков, стоиков и эпикурейцев, которых тщательно выбирал его отец (*De animi aff. dign.*: K. V 41–42). Гален намеревался стать философом, но под влиянием сновидений и указаний бога Асклепия, по словам Галена, его отец решил, что его сын должен стать врачом. В Пергаме Гален учился медицине у врача Сатира (*De libr. pr*.: K. XIX, 57–59). После смерти отца в 149 г. он отправился в Смирну, где продолжил обучение у Пелопса, представителя рациональной медицинской школы, и слушал лекции платоника Альбина (*Ibid*.: K. XIX, 16–17). Затем он посетил Коринф и Александрию для более подробного изучения анатомии у Нумизиана, лучшего анатома того времени (*De anat. adm*.: K. II, 217–218). В 157 г. он возвратился в Пергам, где в течение 4 лет работал в гладиаторской школе, обогатив свои знания в области ортопедической хирургии. В 161 г. Гален отправился в Рим, по дороге совершив путешествие по восточному Средиземноморью с целью исследования местных трав и минералов, посетив Фракию, Македонию, Кипр и даже Палестину.

В Риме Гален быстро сделал себе блестящую карьеру, обнаружив незаурядные познания в диагностике и терапии, выступая с публичными лекциями и наглядным анатомированием животных, участвуя в философских, медицинских и доксографических диспутах. В начале своего пребывания в Риме Гален познакомился с философом Главконом, по просьбе которого осмотрел и поставил верный диагноз одному из его высокопоставленных знакомых, чем снискал уважение интеллектуальной римской элиты (*De loc. aff*.: K. VIII, 361–366). Затем Гален успешно вылечил перипатетика Евдема, претерпевая постоянную вражду со стороны других врачей, завидовавших его знаниям, профессиональным успехам и клиентуре. По словам Галена, Евдем в восхищении рассказывал о его предписаниях своим посетителям, которые принадлежали к числу самых знатных римских семей и кругу влиятельных политиков и интеллектуалов (*De praec*.: K. XIV, 611–612). Вопреки ошибочным прогнозам других врачей Гален предположил, что болезнь Евдема излечима, а в ответ на обвинения в мантике (*Ibid*.: K. XIV, 614–615) представил логическое обоснование прогноза, позволившее ему прийти к верному

умозаключению (*Ibid*.: K. XIV, 617–628). К первому году пребывания Галена в Риме относится и его знакомство с Флавием Боэтом, будущим наместником Сирии Палестины (*Ibid*.: K. XIV, 612). Боэт пригласил Галена принять участие в публичном диспуте для разрешения проблемы, каким образом в организме производится речь и дыхание. Гален наглядно продемонстрировал одно из своих величайших анатомических открытий – функцию межреберных мышц в дыхании и производстве голоса. Большую часть 8 книги «Анатомических процедур» (*De anatomicis administrationibus*) Гален посвящает описанию экспериментов и наблюдений воздействия лигатур и рассечений на различные нервы грудной области и спинной мозг. Во время этих вивисекций Гален показал не только свое практическое мастерство, но и теоретическую подготовленность в области функции и природы нервной системы, смог систематизировать и структурировать свои объяснения. Известно, что выступления Галена посещал и философ-наставник Боэта – перипатетик Александр из Дамаска (*De praec*.: K. XIV, 627). Кроме того, Гален участвовал в публичных дебатах с представителями стоической и перипатетической школ (*De praec*.: K. XIV, 612). Своему покровителю Боэту Гален посвятил 6 книг сочинения «Об учениях Гиппократа и Платона» (*De placitis Hippocratis et Platonis*), посвященного отношениям философии и медицины, I книгу «О назначении частей человеческого тела» (*De usu partium*) – своего главного труда в области функциональной анатомии, а также ряд утраченных сочинений.

В 166 г. Гален покинул Рим и возвратился в Пергам, где продолжал заниматься медицинской практикой. Однако через два года он получил приглашение прибыть к императорам Луцию Веру и Марку Аврелию в Аквилею во время их подготовки к германскому походу. По пути Гален посетил Лемнос, Фракию и Македонию, прибыв в Аквилею зимой 168–169 гг., где в это время разразилась чума. Императоры срочно покинули лагерь, оставив Галена и других врачей бороться с болезнью (*De libr. pr.*: K. XIX, 18).

Весной 169 г. Гален прибыл в Рим, где его дальнейшая судьба была тесно связана с императорской семьей. Марк Аврелий попросил Галена сопровождать его в германском походе, однако Гален, сославшись на указания бога Асклепия, отказался от участия в этом походе, продлившемся более 7 лет. В отсутствие императора Галену была поручена забота о здоровье его сына и будущего императора Коммода. В этот период он написал трактаты «О различиях лихорадок», «О кризисах», «О критических днях», в которых показал, что почти все медицинские знания в этой области уже изложены в трудах Гиппократа (*De praec*.: K. XIV, 665). Собственным весомым вкладом в диагностику Гален считал учение о пульсе, которому посвятил целый ряд сочинений – «О различии пульсов» (*De differentia pulsuum*), «О пульсах для начинающих» (*De pulsibus ad tirones*), «О прогнозе по пульсам» (*De praesagitione ex pulsibus*) и др. Родоначальником этого учения был Герофил Александрийский. Вклад же Галена состоял в строгой классификации типов пульса сообразно их размеру, скорости, силе, твердости или мягкости сосудов, равномерности, частоте и др., которые соотносились в свою очередь с разным физическим состоянием больного, его возрастом, полом, эмоциональным статусом, временем года, типом питания и др. Анализ этих характеристик по мнению Галена играл ключевую роль в диагностике заболевания (*De puls*.: K. VIII, 462–477). В этот же период Гален закончил трактат «О пользе частей человеческого тела», написал сочинение «Об анатомических мероприятиях» (*De anatomicis administrationibus*), составил 6 книг своего главного труда по терапии «О методе лечения» (*De methodo medendi*) и целый ряд других сочинений.

После смерти Марка Аврелия в 180 г. власть перешла к его сыну Коммоду, чье жестокое и расточительное правление привело к его убийству в 192 г. Следующие несколько десятилетий отмечены частой сменой императоров и несколькими гражданскими войнами, пока власть не перешла к Септимию Северу, которому на время удалось установить политическую стабильность. В это время Гален совершил поездку в Пергам, из которой привез свою библиотеку. Однако в 192 г. пожар уничтожил Храм мира, в котором хранились Палатинская

библиотека вместе с рукописями Галена. Многие сочинения были восстановлены или написаны Галеном заново, но некоторые безвозвратно утрачены. О последних годах жизни и дате смерти известно немного. Предположительно, Гален умер во втором десятилетии III в. в Риме. В поздний период был закончен его труд «О методе лечения», написано «Медицинское искусство» (*Ars medica*) – компендиум по диагностике и терапии, который оставался фундаментальным медицинским текстом всего позднего Средневековья и Возрождения, сочинение «О пораженных местах» (*De locis affectis*), посвященное лечению различных диагнозов и целый ряд комментариев к сочинениям Гиппократа. Также были написаны два небольших библиографических указателя – «О собственных книгах» (*De libris propriis*) и «О порядке собственных книг» (*De ordine librorum suorum*), в которых Гален пишет о своих сочинениях, порядке их прочтения и о том, какие из сочинений, существующих под его именем, подлинные.

Издания. Первое полное издание сочинений Галена, предпринятое немецким врачом и историком медицины К. Г. Кюном между 1819 и 1833 гг.[1], было вызвано интересом не столько ученых, сколько практикующих врачей, поскольку некоторые из типично галеновских видов лечения, например кровопускание применялись на протяжении всего XIX века. Первые критические издания его сочинений появились в Германии в конце XIX в. В Лейпциге с 1884 по 1893 гг. вышло трехтомное собрание *Galeni Scripta Minora*[2] (SM). Начиная с конца XIX века и по настоящий день, тексты Галена издаются в серии *Corpus Medicorum Graecorum* (CMG), основанной Берлинской Академией, поставившей перед собой монументальную задачу критического издания всех греческих медицинских текстов. В настоящее время исследование текстов Галена, который наряду с Птолемеем и Архимедом может претендовать на роль самого влиятельного греческого ученого, соперничающего с Платоном и Аристотелем по глубине и продолжительности интеллектуального влияния на последующие столетия, вызывает большой интерес как у философов, историков и филологов, так и у историков культуры и медицины, а критические издания его текстов выходят в таких сериях, как Loeb Classical Library и Les Belles Lettres.

В настоящем сборнике представлены шесть сочинений Галена, написанные в разных жанрах и относящиеся к разным периодам его жизни – «Увещание к занятию медициной», «Об упражнении с маленьким мячом», «О том, что наилучший врач – также философ», «Медицинское искусство», «О собственных книгах» и «О том, что не стоит печалиться». Они позволят читателю познакомиться с медицинским и общекультурным содержанием его текстов, а также с интеллектуальной жизнью врача и философа эпохи Римской империи.

И. В. Пролыгина

[1] *Galeni Opera Omnia* / Rec. C. G. Kühn. T. 1–20. Leipzig, 1819–1833.

[2] *Galeni Pergameni Scripta Minora* / Edd. J. Marquardt, J. Müller, G. Helmreich. T. 1–3. Leipzig: Teubner, 1884–1893.

Увещание к занятию медициной

Предисловие

«Увещание к занятию медициной», или «Протрептик» Галена принадлежит к античному жанру «увещания» или «побуждения» (от греч. προτρέπω – «побуждать», «увещевать»), целью которого было побудить слушателей, как правило, юношей, к занятию философией или красноречием[3]. Он восходит к традиции, заложенной еще софистами и Исократом (речи «К Никоклу», «Об обмене имуществом»). Теоретическое определение жанра протрептика было сформулировано еще в «Евтидеме» Платона (274b–281d), где он перечисляет основные темы, характерные для этого жанра, которые впоследствии получат развитие. Образцом классического протрептика можно считать «Протрептик» Аристотеля, ссылки на который встречаются у многих позднейших авторов, в частности у Ямвлиха («Протрептик», гл. V–XII).

Многие темы, затронутые Аристотелем, перекликаются и с текстом Галена, целью которого было побудить молодых людей к занятию искусствами, к которым он относит и медицину, и отвратить их от занятия профессиональным спортом. По всей видимости, Гален участвовал в общей для периода Второй софистики полемике со спортсменами и их тренерами[4]. В риторических и дидактических целях он использует большое число цитат из античных трагедий и комедий, а также моральных наставлений в духе стоических, перипатетических и платоновских моделей[5]. Как от «Протрептика» Аристотеля сохранились лишь фрагменты, так и «Протрептик» Галена дошел до нас не полностью. Сохранилась лишь его первая часть, посвященная изучению искусств в целом, тогда как вторая часть об изучении медицины и ее превосходстве над другими видами искусств была утрачена уже в XII веке[6]. В несохранившейся части трактата Гален, скорее всего, увещал молодых людей, избравших медицинскую карьеру, к изучению теоретических дисциплин – анатомии и физиологии, знание которых, по мнению эмпириков, бесполезно при выборе лечения. Таким образом, это сочинение могло быть ответом и возражением на сочинения философа-скептика и врача эмпирической школы Менодота Никомедийского (I в. н. э.).

В первой сохранившейся части трактата можно выделить две большие темы. Первая – посвящена рассуждению о достойных видах искусств и сопровождается красочным описанием Тюхе, Гермеса и их почитателей. Гален предостерегает юношей от увлечения такими непостоянными благами, как знатность, красота и деньги. Во второй части он проводит четкий критерий для различения пустого или вредного искусства и истинного: всякое занятие, не приносящие пользы для жизни, не есть искусство. Но наибольшей опасностью Галену представляется профессиональное занятие спортом, которое совершенно бесполезно, но и наиболее привлекательно для юношей. В заключении он различает благородные, или свободные, искусства и ремесленные, или ручные, подготавливая переход ко второй, ныне утраченной части, в которой речь должна была пойти о медицине как наивысшем виде искусства.

Трактат начинается со своеобразного гимна разуму человека, который отличает его от других живых существ и позволяет заниматься искусствами по собственному выбору, а не по воле природы. Кроме того, человек причастен и божественным искусствам: медицине, гео-

[3] О происхождении жанра протрептика и его жанровых особенностях см. Jamblique 1989: 5; Gaiser 1959; Cairns 2007; Алиева 2011: 23–27; Alieva, Kotzé, van der Meeren 2018; Reeder 2020; ср. Аристотель 2004.

[4] König 2005.

[5] Xenophontos 2018: 67–93.

[6] Подробнее об этом см. Galien 2002: 5–6.

метрии, музыке, астрономии и самому величайшему – философии (гл. I). Искусство роднит человека с богами, поэтому нелепо презирать этот дар и доверяться Тюхе – слепой богине судьбы и случая. Гален вводит экфрасис, изображающий Тюхе и жалкий конец, ожидающий ее поклонников (гл. II). Гермес, покровитель разума и всякого мастерства, напротив, побуждает слушателей к следованию по пути разума и трудолюбия (гл. III). Перечисление бедствий, грозящих первым (гл. IV), и благ, ожидающих вторых (гл. V), служит дополнительным поводом для занятия искусствами. Кроме того, на пути юноши встречаются и другие соблазны, способные отвлечь его от следования добродетели и занятия искусством: богатство (гл. VI), знатность (гл. VII) и красота (гл. VIII). Но более всего следует опасаться спортивной карьеры, которая на первый взгляд обещает юношам славу и почести, но в действительно ведет их к погибели (гл. IX и XIV). Гален последовательно излагает аргументы, призванные отвратить юношей от следования по этому пути. Он показывает, что занятие атлетов бесполезно с практической точки зрения (гл. X), приводит к интеллектуальной деградации, нарушению нормального распорядка дня и питания, утрате здоровья (гл. XI) и, в конечном итоге, делает их калеками (гл. XII). Распространенное мнение о физической силе и выносливости атлетов ошибочно, а их спортивные достижения незначительны даже по сравнению с животными. Последнее утверждение иллюстрируется отрывками из поэмы анонимного автора (гл. XIII). В конце жизни вместе с утратой здоровья они полностью лишаются и средств к существованию. Поэтому молодым людям следует заниматься такими видами искусств, которые приносят пользу и пребывают с человеком до самой старости. К ним Гален относит не связанные с физическим трудом интеллектуальные виды искусств, самым достойным из которых признает медицину (гл. XIV).

И. В. Пролыгина

Увещание к занятию медициной[7]

I. 1. Совершенно ли лишены разума (λόγου) живые существа, называемые неразумными (ἀλόγοις), неясно. В самом деле, быть может, если даже они не причастны рассуждению, выражающемуся посредством голоса, которое именуют еще произносимым (προφορικόν), однако все они, одни более, а другие менее, причастны рассуждению, совершающемуся в душе, которое называют внутренним (ἐνδιάθετον)[8]. 2. А то, что люди, конечно, намного превзошли их, нам совершенно очевидно, когда мы взираем на множество искусств, которыми занимается это живое существо, и на то, что только человек, будучи восприимчив к науке, изучает искусство, какое пожелает. Ибо прочие живые существа почти все чужды искусств, за исключением небольшого числа некоторых из них, да и те преуспели в искусствах скорее по природе, чем по произволению. 3. Человек же не пренебрегает ни одним искусством из тех, которые свойственны животным, но научился подражать паукам в ткачестве, и строит подобно пчелам[9], и искусен в плавании, хотя ходит по суше. Кроме того, он не лишен и божественных искусств, усердствуя в медицинском искусстве Асклепия, в таком же искусстве Аполлона и всех прочих, которыми тот обладает: стрельбе из лука, музыке и гадании, и еще о том, что свойственно каждой из Муз. 4. Ибо он не уклоняется ни от геометрии, ни от астрономии, но исследует и «глубины земные» и «небесные высоты», по слову Пиндара[10]. Своим трудолюбием добыл он и величайшее из божественных благ – философию[11]. А посему, даже если другие живые существа и причастны разуму, только человек в силу превосходства над ними называется разумным (λογικός).

II. 1. Так разве не стыдно пренебрегать тем единственным в нас, что роднит нас с богами, и заботиться о чем-то другом, презирая стяжание искусства и вверяя себя Тюхе? Древние, желая показать ее порочность, не довольствовались только тем, что рисовали и ваяли ее в виде женщины, – хотя и это было достаточным символом безумия, – но дали ей в руки кормило, подложили под ноги шарообразное основание и лишили глаз, показывая всем этим непостоянство Тюхе. 3. Подобно тому как на корабле, попавшем в сильный шторм, когда он поглощается волнами и рискует потонуть, было бы пагубным делом доверить кормило слепому кормчему, точно так же, я думаю, и в этой жизни, когда приключаются со многими семьями крушения еще большие, чем с судами на море, неверным решением будет доверить себя в подобном положении дел слепой богине, которая и сама непрочно стоит на ногах. Ибо она преисполнена безумия настолько, что, часто проходя мимо достославных мужей, обогащает недостойных, да

---

[7] Перевод сочинения «Увещание к занятию медициной», или «Протрептик» (греч. Προτρεπτικὸς ἐπὶ ἰατρικήν, Adhortatio ad artes addiscendas, Protrepticus) выполнен по изданию Galien. Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. T. 2 / Texte établi, traduit et annoté par V. Boudon-Millot. Paris: Belles lettres, 2002 (= Kühn C. G. Galeni. Opera Omnia I, 1–39; Barigazzi A. CMG V, 1, 1. Berlin, 1991: 111–151). Рус. перевод впервые был опубликован: Пролыгина И. В. Гален. Увещание к занятию медициной. Вступ. статья, пер. с древнегреч. и прим. // Вестник Древней Истории № 3 (286). М., 2013. С. 283–299. Приводимые в примечаниях цитаты из других сочинений Галена и текстов Гиппократа даются в нашем переводе, кроме отдельно указанных мест.

[8] Гален использует здесь терминологию, унаследованную из стоической философии, различая произносимое слово (λόγος προφορικός) и внутреннее (λόγος ἐνδιάθετος) (см. Porphyr. *De abstin*. III. 2. 1). С другой стороны, еще Аристотель (Anal. post. I. 10: 76b 24) различал слово, выражаемое посредством голоса (κατὰ φωνήν), и сокрытое в душе (κατὰ ψυχήν). Ср. Iambl. *Protr*. 5.

[9] Представление о том, что искусство подражает природе, вполне традиционно для греческой философии. Пример о подражании паукам и пчелам, которым свойственно умение ткать и лепить, встречается у Сенеки (Ep. 121. 22). Однако он замечает, что эти искусства врожденные и им невозможно научиться; ср. Quintil. II. 16. 16.

[10] Цитата из Пиндара (fr. 292, Snell – Maehler) впервые встречается в «Теэтете» (173e), где Платон рассуждает о месте философии в государстве. Ср. Iambl. *Protr*. 14.

[11] О философии, которая есть мать всех искусств и дар божества, см. Plat. *Tim*. 47a. Эта тема, по всей видимости, стала одним из устойчивых топосов протрептического жанра, который впоследствии получил развитие у многих Отцов Церкви, см. например, Clem. Alex. *Strom*. V. 98. 5–8, Euseb. *Praep. euangel*. XII. 29. 2.

и их ненадолго, но лишь для того, чтобы снова лишить дарованного. 4. Немалая толпа невежественных мужей следует за этой богиней, которая никогда не остается на одном месте по причине подвижности ее основания, которое влечет и приводит ее иногда к пропастям и безднам морским. Там все следующие за ней погибают один за другим, лишь она выходит невредимой, насмехаясь над стенающими и взывающими к ней, когда все уже бесполезно.

III. 1. Таковы дела Тюхе. Но, с другой стороны, посмотри на Гермеса – владыку разума и мастера во всяком искусстве[12], как противоположно Тюхе украсили его древние художники и скульпторы. 2. Это цветущий юноша, обладающий не приобретенной и не наведенной красотой, но такой, что сразу обнаруживает доблесть его души. У него сияющие очи, проницательный взор и самое прочное и устойчивое из всех фигур основание – куб. А иногда и самого бога украшают этой фигурой. 3. И ты можешь увидеть его поклонников, сияющих подобно ведущему их богу: они никогда не упрекают его, как последователи Тюхе, никогда не покинуты и не брошены, но следуют за ним, постоянно наслаждаясь его попечением[13].

IV. 1. А всех следующих за Тюхе ты узришь праздными и не ведающими искусств. Они постоянно увлекаются надеждами и мчатся за бегущей вместе с ними богиней, одни – рядом, а другие – поодаль, а некоторые даже цепляются за ее руку. 2. Среди всех них ты увидишь и того Креза Лидийского[14] и Поликрата Самосского[15], и, быть может, удивишься, увидев, как одному Пактол струит золото, а другому служат морские рыбы. Вместе с ними узришь и Кира, и Приама, и Дионисия. 3. Но спустя некоторое время после этих [чудес] ты увидишь, что Поликрат распят на кресте, Крез покорен Киром, а сам Кир – другими[16], увидишь, что Приам в осаде, а Дионисий в Коринфе[17]. 4. Если же ты присмотришься и к другим, которые вдалеке гонятся, не поспевая, за этой бегущей богиней, ты и вовсе возненавидишь эту свиту. Ибо есть здесь и множество демагогов, и гетер, и блудниц, и предателей друзей, есть и убийцы, и расхитители гробниц, и воры, многие не пощадили и самих богов, но и их святилища разграбили[18].

V. 1. А другая свита – все благопристойные и мастера своих дел: они не бегут, не вопят и не спорят друг с другом, но посреди них бог, а вокруг него все располагаются в своем порядке, не оставляя места, которое он дал каждому. 2. Самые близкие к богу, расположившиеся вокруг него, суть геометры, арифметики, философы, врачи, астрономы и грамматики. Следом за ними второй сонм: художники, скульпторы, преподаватели грамоты[19], плотники, зодчие, камнетесы,

---

[12] Платон, рассуждая в «Кратиле» (408a) об этимологии имени Гермеса, замечает, что «он толкователь воли богов – герменевт, вестник, ловок в речах и вся его деятельность связана с властью слова, а его имя означает «тот, который измыслил речь и слово» (пер. Т. В. Васильевой). Гален соотносит здесь λόγος, «слово/разум», с τέχνη, «искусством», как разумной логической деятельностью, к которой относится и медицина.

[13] В гл. II–V Гален вводит экфрасис, отвечая жанровым требованиям своего времени. Известное противопоставление Τύχη и Τέχνη встречалось еще у софистов, о Τύχη и Ἀρετή упоминает Плутарх (*De fort. Rom*. 317c–318d).

[14] Крез, последний царь Лидии, прославившийся своим богатством, был захвачен в плен персидским царем Киром II после взятия Сард (546 г. до н. э.), а его царство присоединено к персидской державе (см. Hdt. I. 6–94). Пактол – река в Лидии, которая называлась χρυσορρόας, «златоструйная», поскольку ее воды в изобилии несли золотой песок.

[15] Поликрат, самосский тиран, в правление которого островной Самос стал одним из сильнейших полисов Эллады, также испытал на себе превратности судьбы. В 522 г. до н. э. персидский сатрап Сард Оройт хитростью заманил его в Магнезию, где предал мучительной смерти (см. Hdt. III. 125). Геродот приводит также известную историю о Поликратовом перстне.

[16] Существует несколько версий смерти Кира II Великого (600–529 гг. до н. э.). Согласно Геродоту, Кир после 29 лет правления погиб во время похода против массагетов, которые угрожали северо-восточным границам персидской державы (см. Hdt. I. 201–214).

[17] Сиракузский тиран Дионисий Младший был вынужден бежать из Сиракуз в результате народных волнений в 344 г. до н. э. и сдаться Тимолеонту, который направлялся во главе войска коринфян на помощь жителям Сиракуз. Дионисий был сослан в Коринф, где умер в нищете в 337 г. до н. э. (см. Nep. *Timol*. 20. 2; Diod. XVI. 70).

[18] Этот параграф и приведенный выше образ Тюхе близко перекликаются с сочинением современника Галена ритора Фаворина Арелатского *De fortuna* (текст сохранился среди речей Диона Хрисостома: Or. 64). Гален был хорошо знаком с его текстами и часто полемизировал с ними.

[19] Гален различает преподавателя грамоты, или грамматиста (γραμματιστής), который учил читать и писать, представляя первый элементарный уровень грамматических знаний, и грамматика (γραμματικός), преподавателя второго уровня, который занимался изучением и критикой классических авторов (см. Mapp 1998: 225–226). У Галена грамматики принадлежат кругу

а после них и третий ряд: все прочие виды искусств. Таково их соразмерное расположение, и все они взирают на бога, повинуясь его всеобщему повелению. 3. И ты узришь здесь вместе с самим богом многих, которые составляют некий четвертый ряд, собранный из других людей, не похожих на спутников Тюхе. Ибо этот бог привык судить о достоинстве людей не по общественному положению, и не по знатности рода, и не по богатству, но почитает и выводит вперед, всегда имея подле себя тех, кто честно живет, первенствует в своих искусствах, следует его повелениям и трудится по правилам искусства. 4. Поразмыслив о том, какова эта свита, ты, я думаю, не только восхвалишь ее, но даже преклонишься. Ибо в ней и Сократ, и Гомер, и Гиппократ, и Платон, и их ревнители, которых мы почитаем наравне с богами, будто неких наместников и служителей божиих. И среди всех прочих нет никого, кто был оставлен когда-либо им в пренебрежении. Ибо он не только заботится о присутствующих, но и с плавающими плавает и терпящих кораблекрушение не покидает. 5. Так некогда Аристипп[20], когда его корабль разбился во время плавания, и он был выброшен на берег сиракузян, сразу обрел силу духа, узрев на песке геометрическую фигуру. Ибо он решил, что попал к грекам и мудрым мужам, а не к варварам. Затем, когда он прибыл в гимнасий сиракузян, да еще произнес строки:

Кто странника бездомного Эдипа
Сегодня скудным встретит подаяньем?[21]

к нему подошли люди, узнали, кто он, и тотчас подали ему все необходимое. Когда же некоторые, собираясь плыть в Кирену, на его родину, спрашивали, не передаст ли он что-нибудь близким, он сказал, что велит приобретать им те богатства, которые выплывут вместе с потерпевшим кораблекрушение[22].

VI. 1. Многие из злополучных и постоянно взиравших на богатство, когда оказались в таком положении дел, привязывали к себе и возлагали на тело золото или серебро, но вместе с ним погубили и душу, не в состоянии заметить даже то, что у неразумных животных они, первые, больше любят то, что украшено искусствами. 2. Ведь и боевых коней и охотничьих псов они предпочитают всем прочим и, хотя обучают рабов искусствам, часто тратя на них весьма много серебра, сами собой пренебрегают. Ну, разве не постыдно, что раб иногда стоит десятков тысяч драхм, тогда как сам его хозяин не стоит и одной?[23] И что я говорю, одной? Никто и даром не взял бы такого! Так неужели они не обесчестили единственно из всех самих себя, не научившись никакому искусству? 3. Ибо когда они обучают неразумных животных навыкам искусств и считают, что ленивый и не обученный никакому искусству раб ничего не стоит, заботятся об угодьях и других владениях, чтобы каждое было в наилучшем состоянии и только о себе небрегут, даже не зная, обладают ли душой, то очевидно, что они подобны негодным рабам. 4. Поэтому, встретив такого мужа, можно справедливо сказать ему: «О человек, дом у тебя в порядке и все рабы, и даже лошади и собаки, и угодья и все, чем владеешь, находится в прекрасном состоянии, а сам о себе ты заботишься плохо»[24]. 5. Итак, прекрасно

представителей благородных и теоретических искусств, тогда как грамматисты соседствуют с представителями творческих искусств, таких как живопись, скульптура и архитектура.

[20] Аристипп из Кирены (ок. 435 – ок. 355 гг. до н. э.) был учеником Сократа и основателем киренской, или гедонической, философской школы.

[21] Soph. *Oed. Col*. 3–4 (пер. С. В. Шервинского).

[22] Этот известный анекдот встречается в разных версиях у многих авторов. Цицерон (*De re publ*. I. 29, и далее) упоминает о нем применительно к Платону, у Диогена Лаэртского (VI. 6) речь идет об Антисфене, Витрувий (*VI prooem*. 1) приписывает его Аристиппу, но действие происходит у него не в Сиракузах, а на Родосе. Однако наиболее вероятным источником для Галена послужил протрептик стоика I в. до н. э. Посидония Апамейского. См. Galien 2002: 15–16.

[23] Ср. *Protr*. Fr. 3 (Stob. 3. 3. 25); Epict. *Dissert*. III. 26. 25; Clem. Alex. *Paedag*. III. 6.

[24] Ср. Hom. *Od*. XXIV. 249 (здесь и далее «Одиссея» цитируется в пер. В. А. Жуковского).

поступили Демосфен и Диоген[25], один, назвав богатых и невежественных златорунными баранами, а другой, уподобив их смоковницам, растущим на утесах. Ибо плоды последних едят не люди, но вороны или галки, а деньги первых не приносят никакой пользы людям воспитанным, но расточаются на льстецов[26], которые в случае полного истощения денег при встрече проходят мимо, делая вид, что незнакомы. 6. Поэтому не чужд Музам[27] был тот, кто сравнил таких людей с источниками. И в самом деле, те, кто прежде черпал из источников, когда они уже не имеют воды, поднимают платье и мочатся в них. И справедливо, что знаменитые только деньгами вместе с их лишением тотчас лишаются и всего остального, что имели благодаря им. Ибо что еще могли претерпеть те, кто не обрел никакого личного блага, но всегда кичился чужим и зависящим от Тюхе?

VII. 1. Таковы и те, кто ссылается на знатность рода и гордится ею. Ибо и они по недостатку собственных благ полагаются на происхождение, даже не сознавая, что сама знатность рода, которой они кичатся, подобна монетам, имеющим хождение в каждом городе, которые обладают ценностью у тех, кто их выпустил, но бесполезны у других.

Но кровь тебя от черни отличала…
Что в знатности? Ведь ей не проживешь[28].

2. Итак, прекрасное сокровище, как говорит Платон, – доблести отцов[29], но еще прекраснее – быть в состоянии противопоставить ему слово Сфенела:

Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее[30].

Ведь если есть какая-то польза от знатного происхождения, то мы обладали бы только им для подражания семейному примеру. Таким образом, если мы окажемся весьма далеки от доблести предков, то они будут испытывать огорчение, если есть у них какое-нибудь чувство, и нам самим будет стыдно тем более, чем более знаменит род. 3. Ибо неучи из никому не ведомого рода выигрывают хотя бы тем, что большинству не известно, кто они такие. А все те, кому слава и известность рода не позволяют оставаться незамеченным, разве не от своей знаменитости страдают? В самом деле, недостойные рода порицаются сильнее, так что, если какой глупец упомянет о славе рода, то делает свой проступок еще более непростительным. 4. Ибо мы неодинаково оцениваем и испытываем первых встречных и людей знатного происхождения: одних принимаем, даже если они оказываются посредственными, списав причину их недостатка на низкое происхождение, а другие, если не обладают ничем достойным предков, уже не вызывают у нас никакого удивления, даже если сильно отличаются от всех других. 5. Поэтому, если кто благоразумен, да обратится к упражнению в искусстве, благодаря которому, если он благородного происхождения, то не окажется недостойным своего рода, а если не таков, то сам украсит свой род, подражая тому древнему Фемистоклу, который, когда его

---

[25] Демосфен (384–322 гг. до н. э) – известный древнегреческий оратор; Диоген Синопский (ок. 412–323 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, основатель школы киников, ученик Антисфена.

[26] Об игре слов κόλακες, «льстецы» и κόρακες, «вороны», которую, видимо, подразумевал Гален, упоминает Диоген Лаэртский (VI. 4) и Стобей (III. 14. 17), приписывая Антисфену изречение: «Лучше попасться стервятникам, чем льстецам: те пожирают мертвых, эти – живых» (пер. М. Л. Гаспарова). О ней же упоминает Максим Исповедник (*Loc. comm*. 11. PG. 91. 792 B), связывая ее с именем Демосфена.

[27] ἄμουσος, «чуждый Музам» – реминисценция из трагедии Еврипида «Сфенебея» (fr. 663 Nauck). Ср. Plat. *Symp.* 196e.

[28] Eurip. *Phoen*. 404–405 (пер. И. Ф. Анненского). В этих двух стихах Иокаста спрашивает Полиника о жизни в изгнании. Цитаты из этой трагедии встречаются также в произведениях, написанных в жанре утешения, обращенного к тем, кто утратил родину и положение, которые представляют собой лишь внешние блага. См. Favor. *De exil*. (Barigazzi 1966: 382); Plut. *De exil.* 606 E.

[29] См. Plat. *Menex*. 247b (ср. Iambl. *Protr*. 19). Тема подражания отцовским доблестям получила в дальнейшем развитие у Исократа (*Ad Demon*. 11) и Аристотеля (*Rhet*. II. 15).

[30] Hom. *Il*. IV. 405 (здесь и далее «Илиада» цитируется в пер. Н. И. Гнедича).

попрекали происхождением, сказал: «Но я буду родоначальником для своих потомков, и мой род начнется с меня, а твой – на тебе закончится»[31]. Ты видишь, ничто не мешает восхищаться скифом Анахарсисом и называть его мудрецом, хотя он был варварского происхождения. Когда кто-то однажды попрекал его тем, что он варвар и скиф, он ответил: «Мне позор родина, а ты – родине»[32], совершенно замечательно обличив того, кто не достоин никакого упоминания, но гордится только родиной. 6. И если бы ты внимательно исследовал вещи, то обнаружил бы, что не благодаря городам граждане стяжают славу, но, наоборот, благодаря добрым мужам, преуспевающим в искусствах, сохраняется память и об их отечестве. В самом деле, кто говорил бы о Стагире, если не Аристотель? А кто о Солах, если бы не Арат и Хрисипп[33]? И когда далеко распространилось имя самих Афин, то [произошло это] не благодаря плодородию земли – ибо она скудна – но благодаря рожденным на ней, которые, в большом числе став выдающимися людьми, часть своей славы передали и родине. 7. И ты яснейшим образом познал бы истинность этого суждения, если поразмыслил о Гиперболе и Клеоне[34], которые из Афин извлекли лишь ту выгоду, что стяжали известность своим злодеяниям.

Было: свиньями звали беотийский народ[35],

говорит Пиндар и снова он:

Избежим ли мы брани: «свинья беотийская»[36],

желая своей музыкой снять поношение почти со всего народа за невежество.

VIII. 1. И можно воздать хвалу афинскому законодателю, который запрещал тому, кто не обучил сына ремеслу, получать от него пропитание[37]. Ведь поскольку во всяком ремесле упражняются главным образом в то время, когда тела находятся в расцвете сил, случилось так, что многие известные своей красотой юноши пренебрегли своей душой, а позже, когда было уже бесполезно, говорили:

О если б суждено было злосчастно сгинуть красоте, которая меня сгубила[38].

2. Тогда им приходит на ум и слово Солона, который повелевает взирать главным образом на конец жизни[39]. Затем, и старость они бранят – и поделом им – и восхваляют Еврипида, который говорит: «Небезопасно превыше обычной стяжать красоту[40]». Лучше, познав, что красота юношей подобна весенним цветам и радует недолгое время, восхвалить лесбосскую [певицу], которая говорит:

Ибо тот, кто красив, лишь взор пленяет,

---

[31] Фемистокл (ок. 524–459 гг. до н. э.) считался незаконнорожденным. По отцу он происходил из аристократического рода Ликомидов, однако его мать была рабыней.

[32] Один из семи греческих мудрецов Анахарсис был скифом по происхождению. Согласно легенде, он путешествовал по Греции (Hdt. IV. 76) и гостил у Солона в Афинах (Plut. *Sol*. 5). Ответ Анахарсиса на упрек относительно его происхождении приводит также Диоген Лаэртский (I. 104) и Стобей (IV. 29. 16).

[33] Александрийский поэт Арат (315–240 гг. до н. э.), уроженец киликийского города Солы, философ и математик, собрал и систематизировал в единственной сохранившейся поэме «Явления» астрономические знания своего времени. Философ-стоик Хрисипп (281/278–208/205 гг. до н. э.) также был уроженцем Сол.

[34] Гипербол и Клеон, предводители партии демократов во время Пелопоннесской войны, известные демагоги, описаны у Фукидида и Аристофана («Всадники»).

[35] Pind. *Fr*. 83 (Snell – Maehler) (пер. М. Л. Гаспарова).

[36] Pind. *Olymp*. 6. 90. О Беотии, родине Пиндара, и невежестве ее жителей, которые заслужили прозвище беотийских свиней, упоминает в одной из речей Фемистий (Orat. 27. 334 b/c).

[37] Гален имеет в виду известный закон Солона; см. Plut. *Sol*. 22. 1.

[38] TGF. *Fr. adesp.* 174 (Kannicht – Snell).

[39] Ср. Hdt. I. 32. 9; 86. 3; Arist. *Eth. Nic*. I. 11. 1100a 11.

[40] Eurip. *Fr*. 928 (Nauck).

Добрый же муж будет сразу прекрасен[41],

3. и послушать Солона, который выражает ту же самую мысль: к старости, которая подстерегает подобно зимней буре и нуждается не только в сандалиях и одежде, но и в удобном доме и великом множестве других вещей, нужно готовиться, подобно доброму кормчему, задолго до ненастья[42]. Ибо прискорбно, что «событие зрит и безумный[43]». 4. В самом деле, можно было бы спросить, для чего нужна красота необученному никакому искусству юноше? Неужели для войны? И, конечно, вполне уместно было бы обратиться к таким людям со словами:

Ты занимайся делами приятными сладостных браков[44]

или:

Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами[45].

Ведь и Нирей,

прекраснейший муж, пришел к Илиону,
Но не мужествен был он[46],

и потому Гомер упомянул его лишь однажды в перечне кораблей, чтобы показать, как мне кажется, бесполезность прекраснейших мужей, когда они не обладают ничем пригодным для жизни. 5. Но и для стяжания денег, – хотя некоторые из злополучных дерзают утверждать обратное, – красота бесполезна. Ибо заработок, достойный человека свободного, честный и надежный, по своей природе бывает от ремесла, а тот, который от тела и красоты, – безобразен и постыден. 6. Поэтому необходимо, чтобы юноша, полагаясь на древнюю заповедь[47], взглянул на свое отражение в зеркале и, если он будет красив видом, старался и душу сделать такой же, решив, что нелепо в красивом теле жить безобразной душе, если же телесный облик покажется ему безобразным, то тем более заботился о душе, чтобы мог произнести слова Гомера:

Тот по наружному виду внимания мало достоин –
Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшенье собраний;
видят, когда он проходит по улицам града[48].

7. Стало быть, для тех, кто не совсем лишен разума, из всего сказанного ясно следует, что не нужно, полагаясь на знатность рода, богатство или красоту, презирать упражнение в искусстве. 8. Итак, достаточно и этого, но, возможно, лучше добавить еще и слово Диогена, словно некий прекрасный эпод[49]. Приглашенный на пир к одному из тех, кто усердно забо-

---

[41] Sappho. *Fr*. 50 (Lobel-Page).

[42] Ср. Plut. *De lib. educ.* [Sp.] 11. 8 C; Favor. *De exil*. 25. 1 (Barigazzi 1966: 403. 25–404. 1).

[43] Hom. *Il*. XX. 198.

[44] Hom. *Il*. V. 429.

[45] Hom. *Il*. VI. 490.

[46] Hom. *Il*. II. 673, 675 (с изменениями). Красота Нирея, самого прекрасного и самого уязвимого из ахейских воинов, по всей видимости, вошла в поговорку. Ср. Horat. *Carm.* III. 20. 15; Ovid. *Ep. ex Pont*. IV. 13. 16.

[47] О физической красоте, которая должна сопровождаться красотой души, см. Plut. *Coniug. praec*. 25. 141 D; Diog. Laert. II. 33. Стобей вкладывает эти слова в уста Сократа (II. 31. 98) и Бианта (III. 172).

[48] Hom. *Od.* VIII. 169–173.

[49] В древнегреческой хоровой лирике эподом называлась заключительная часть песни. Таким образом, анекдот Диогена служит заключением длинного рассуждения о внешних благах (богатстве, благородстве и красоте), которые не должны служить

тился обо всем своем имении и только собой совершенно пренебрегал, он откашлялся, чтобы сплюнуть, а затем, оглянувшись вокруг, ни на что окружающее не плюнул, но плюнул только на хозяина дома. 9. Когда же тот пришел в негодование и спросил о причине, Диоген ответил, что не видит ничего столь запущенного в доме, как он сам. Ибо он видел, что все стены были украшены замечательными росписями, пол состоял из драгоценных камней, запечатлев изображения богов, и все сосуды сияли чистотой, и покрывала и ложа были искусно украшены, и лишь хозяин оставлен без попечения. А все люди привыкли плеваться в самые отвратительные из окружающих их мест[50]. 10. Итак, не допусти, о юноша, стать достойным оплевания, даже если кажется, что все прочее находится у тебя в прекраснейшем состоянии. Ибо редко можно достичь всех благ сразу: быть благородного происхождения, богатым и в то же время красивым. Если же это и встречается когда-нибудь, то ужасно было бы среди всего имения самому оказаться единственно достойным оплевания.

IX. 1. Так вот, о чада, которые, выслушав мои слова, устремились к изучению искусства – дабы какой обманщик и шарлатан, введя вас однажды в заблуждение, не научил пустому или дурному ремеслу, – знайте, что все те занятия, которые не имеют целью приносить пользу в жизни, не суть искусства. 2. И относительно прочего я совершенно убежден, что вы не считаете искусством ни одно из тех занятий, которое состоит в акробатических трюках, хождении по тонким веревкам, круговращении без потери сознания и подражании Мирмикиду афинянину и Калликрату лакедемонянину[51]. 3. Я только страшусь занятия атлетов, как бы оно однажды, обещая телесную силу, доставляя славу многим людям, почитаясь у отцов ежедневными раздачами серебра за общественный счет и вообще удостаиваясь почестей, сравнимых с теми, что воздают знатнейшим, не обольстило какого-нибудь юношу, так что он предпочел бы его какому-то искусству[52]. Поэтому лучше заранее поразмыслить об этом. Ибо всякий человек легко поддается обольщению тем, чего не предвидел. 4. Человеческий род, о чада, причастен богам и неразумным животным, первым – поскольку разумен, а вторым – поскольку смертен. Стало быть, лучше, осознавая причастность к превосходящему, позаботиться о воспитании, преуспев в котором мы обретем величайшее из благ, а потерпев неудачу, не будем испытывать стыд, оказавшись слабее самых ленивых животных. А неудача в атлетическом упражнении тела – весьма позорна, преуспеяние же в нем еще не превосходит неразумных животных. 5. Ибо кто отважнее львов или слонов, кто быстрее зайца? Кто не знает, что подобно тому, как боги прославляются именно за искусства, так и лучшие из людей были удостоены божественной почести не потому, что хорошо пробежали на состязаниях, метнули диск или вышли победителем в борьбе, но за благодеяние, доставленное искусствами? 6. Ведь Асклепий и Дионис – были ли они прежде людьми, или издревле богами[53] – удостаиваются величайших почестей, один – за медицинское искусство, а другой – за то, что научил нас искусству виноделия. 7. Если же ты не хочешь поверить мне, то побойся хотя бы пифийского бога. Он назвал Сократа мудрейшим из всех людей[54] и изрек Ликургу такие слова:

препятствием для заботы юношей о душе и истинном искусстве.

[50] Об этом анекдоте упоминает и Диоген Лаэртский, приписывая его в одном месте Диогену Синопскому (VI. 32), а в другом – Аристиппу (II. 75).

[51] Мирмикид афинянин и Калликрат лакедемонянин были известными авторами миниатюрных композиций александрийской эпохи, которые работали в жанре μικροτεχνία. Ср. Aelian. *Var. hist.* I. 17; Plin. *HN.* VII. 85; Plut. *De comm. not. adv. Stoic.* 1058e–1086b; Athen. XI. 19. 2.

[52] Осуждение профессиональной спортивной карьеры встречалось у Еврипида (см. отрывок в X. 3), Платона, Аристотеля и было распространено в среде философов-киников. Ср. Plut. *De lib. educ.* [Sp.] 11.

[53] Согласно Гомеру, Асклепий был не богом, а царем Фессалии. Его отцом считался Аполлон, а матерью – нимфа Коронида, но за свои познания в медицине он получил бессмертие и стал богом врачевания. Дионис был также полубогом – сыном Зевса и смертной Семелы, дочери Кадма и Гармонии.

[54] Об этом эпизоде упоминает сам Сократ в платоновской «Апологии» (21a), объясняя, что его репутация мудреца происходит от дельфийского оракула, данного некоему Херефону. На его вопрос о том, есть ли кто на земле мудрее Сократа, Пифия ответила, что никого нет. Ср. Diog. Laert. II. 37.

Ты притек, о Ликург, к дарами обильному храму,
Зевсу любезный и всем на Олимпе обитель имущим,
Смертный иль бог ты? Кому изрекать прорицанье должна я?
Богом скорее, Ликург, почитать тебя нужно бессмертным[55].

И тот же самый бог, как мы видим, воздает немалые почести и смерти Архилоха. Ибо когда убийца хотел войти в его храм, он запретил ему, сказав:

Музам сразил ты слугу, убирайся от храма подальше[56].

X. 1. Назови мне и ты наименования атлетов. Но ты не назовешь, потому что тебе нечего сказать, разве только ты не отверг какого-нибудь свидетеля как недостойного доверия. В самом деле, ты как будто обнаруживаешь нечто подобное, когда обращаешься к свидетельству многих и ссылаешься на воздаваемую ими славу. 2. Однако и во время болезни, я хорошо это знаю, ты не доверил бы себя многим, но лишь некоторым из всех, причем наиболее сведущим из них во врачебном искусстве. Также и во время плавания – не всем плывущим вместе с тобой, но одному кормчему. И уже в менее важных вещах: во время строительства – плотнику, а нуждаясь в обуви – сапожнику. Как же теперь, когда спор идет о вещах первостепенной важности, ты усваиваешь право судить о них себе, отбирая его у более мудрых, нежели ты, мужей? 3. Я уже опускаю упоминание о богах. Послушай же, как Еврипид мыслит об атлетах:

Из тысяч бед, терзающих Элладу,
нет ничего атлетов рода хуже.
Во-первых, не стремятся здраво жить
они и не могли бы: как тот муж,
что глотке раб и угождает чреву,
стяжал бы счастье родине служить?
Затем, нужде и судьбам покоряться
они не в силах, нравов добрых чужды,
с трудом лишения претерпевают[57].

4. А о том, что каждое из их занятий бесполезно, послушай снова, если угодно, его слова:

какой борец, какой проворный муж,
иль дискобол, иль сокрушивший челюсть,
помог отчизне, получив венок?[58]

Если же хочешь услышать еще подробнее, снова послушай его слова:

сразятся ли они с врагом, в руках
имея диски, или по щитам
ногами бегая, спасут отчизну?

---

[55] Hdt. I. 65. 3. (пер Г. А. Стратановского). Согласно Геродоту, будущий спартанский законодатель Ликург прибыл в Дельфы, чтобы спросить совета оракула. Как только он вошел в храм, Пифия приветствовала его этими словами, а затем продиктовала ему конституцию, которую Ликург должен был установить в Спарте.

[56] Из сочинений поэта Архилоха, жившего в первой половине VII в. до н. э., сохранились лишь фрагменты; см. Test. 14 (Lasserre-Bonnard). По преданию, Архилох был убит неким Калондом, которому оракул отказался отвечать на вопросы; см. Plut. *De sera num. vind.* 560e; Aelian. *Fr*. 80.

[57] Eurip. *Fr*. 282. 1–9 ex Autolyco (Nauck).

[58] Eurip. *Fr*. 282. 16–18 (Nauck). Ср. Athen. X. 5.

Никто не глуп настолько пред железом[59].

5. Осудим ли мы Еврипида и ему подобных и предоставим суд философам? Но и они все будто едиными устами признают, что это дурное занятие. И уж, конечно, ни один из врачей не одобрил его. Прежде всего, выслушай слова Гиппократа: «Атлетическое сложение не соответствует природе; здоровое состояние прекраснее»[60], а затем и всех прочих наилучших врачей, бывших после него. 6. Вообще, я не хотел, чтобы выносили суждение, полагаясь на свидетеля[61], ибо подобный прием свойственен скорее оратору, чем мужу, почитающему истину. Однако, поскольку некоторые находят прибежище в одобрении толпы и воздаваемой ею пустой славе, я был вынужден, опустив рассмотрение самого этого занятия отвлеченно от внешних [вещей], и в этом случае привести свидетелей, чтобы они знали, что и здесь не имеют никакого преимущества. 7. Поэтому настало уже время рассказать мне историю Фрины[62]: однажды на пиру во время игры, которая заключалась в том, чтобы каждый по очереди отдавал по своему желанию приказания сотрапезникам, она, заметив, что присутствующие женщины были накрашены анхузой, белилами и румянами[63], приказала, чтобы они, зачерпнув руками принесенной воды, сразу поднесли ее к лицу, а затем тотчас вытерлись полотенцем, и сама первая так и поступила. 8. У всех других лицо покрылось пятнами, и более всего они стали походить видом на пугала, она же стала казаться еще краше. Ибо только она была не накрашена и, будучи красавицей от природы, не нуждалась ни в каком косметическом ухищрении. Итак, подобно тому, как истинная красота точно распознается только сама по себе, будучи лишена всего привходящего в нее извне, так и занятие атлетов следует рассматривать отдельно, имеет ли оно, как окажется, нечто полезное или в общественном отношении для городов, или в частном – для занимающихся им.

XI. 1. Среди существующих в природе благ одни относятся к душе, другие к телу, а третьи – внешние[64], и помимо них невозможно помыслить никакой иной род благ. То, что душевных благ атлеты никогда не были причастны, очевидно всякому. Ведь они даже не знают, имеют ли душу: настолько далеки они от осознания того, что она разумна. Ибо, накапливая постоянно массу плоти и крови, атлеты обладают душой, которая словно бы увязла в глубокой трясине[65], не способна ни о чем точно мыслить, но безрассудна, подобно лишенным разума животным[66]. 2. Но, возможно, они возразят, что обладают каким-то из телесных благ. Неужели они сошлются на ценнейшее здоровье? Но ты не найдешь никого другого, чье телесное состояние находилось бы в большей опасности, если только следует верить Гиппократу, который сказал, что предельно хороший внешний вид, к которому они стремятся, опасен[67]. 3. И все восхваляют прекрасное изречение Гиппократа: «Поддержание здоровья: ни пресыщения пищей, ни воздержания от труда»[68]. Они же, напротив, занимаются тем, что подвергают себя чрезмерным

---

[59] Eurip. *Fr*. 282. 19–22 (Nauck).

[60] Hipposr. *De alim*. 34 (пер. В. И. Руднева).

[61] Об использовании цитат для иллюстрации и подтверждения собственного мнения как риторическом приеме, от которого Гален предпочел бы воздержаться, но который признает неизбежным, см. Plat. *Alcib*. I. 117e; Xenoph. *Memor*. III. 3. 9.

[62] Фрина, известная афинская гетера первой половины IV в. до н. э., славилась своей красотой и позировала для скульптур Праксителя; см. Plin. *HN*. 34. 70. Плутарх (*De Pyth. orac*. 401. a – e) сообщает, что статуя Фрины находилась в Дельфах наряду со знаменитыми мужами и царями. Один из отвергнутых поклонников – Евфий – обвинил ее в безбожии и привлек к суду Ареопага. Однако благодаря защите оратора Гиперида она была оправдана; см. Athen. XIII. 590–591; Alciphr. *Ep.* IV. 3.

[63] Анхуза (ἀγχούσῃ) – корень одноименного растения, из которого добывалась красная краска для лица; белила (ψιμυθίῳ) делали из свинцового порошка, который использовался для отбеливания кожи; румяна (φύκει) получали из пурпурных водорослей.

[64] Трехчастное деление благ на относящиеся к душе, к телу и внешние блага восходит к перипатетической традиции.

[65] Ср. Plat. *Resp.* VII. 533d; *Phaed*. 69c.

[66] Ср. Plat. *Resp.* III. 404a.

[67] Ср. Hipposr. *Aphor.* I. 3.

[68] Hipposr. *Epid.* VI. 4. 18.

трудам и пресыщению, совершенно презрев слово древнего [врача], будто беснующиеся корибанты. Ибо он, подразумевая здоровый образ жизни, говорил: «труды, пища, питье, сон, сношения – все умеренно»[69]. 4. Они же упорно упражняются каждый день сверх надлежащей меры и принуждают себя принимать пищу, часто растягивая трапезу до полуночи, так что можно по праву сказать о них:

Все, и бессмертные боги и коннодоспешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.
Лишь атлетов злосчастных сон не охватывал сладкий[70].

Таким образом, мера, соответствующая их [привычкам], управляет и их сном. 5. Ибо, когда те, кто живет по природе, возвращаются с работы, испытывая потребность в пище, тогда эти восстают ото сна, так что их жизнь подобна времяпровождению свиней[71], за тем лишь исключением, что свиньи не заняты непосильным трудом и не принуждают себя есть, тогда как атлеты претерпевают и это, а иногда и спины их раздирают розовым лавром[72]. 6. Так вот, древний Гиппократ помимо сказанного прежде говорит еще и следующее: «Много и сразу опорожнять или наполнять, или согревать, или охлаждать, или другим каким-либо способом возбуждать тело – опасно, ибо всякое, – говорит, – излишество противно природе»[73]. Атлеты же ни этим словам не внимают, ни другим, преступая все прекрасные наставления того мужа, но занимаются совершенно противоположным тому, что предписано им для здоровья. 7. А потому я назвал бы это занятие упражнением, ведущим не к здоровью, но скорее к болезни. И полагаю, что это подразумевал и сам Гиппократ, когда говорил: «Атлетическое сложение не соответствует природе; здоровое состояние превосходнее»[74]. 8. Ведь этими словами он показал, что это занятие не только лишено того, что согласно с природой, но даже не назвал состоянием (ἕξιν) их сложение (διάθεσιν), лишив их этого наименования, которым все древние называют поистине здоровых людей. Ибо состояние – это нечто постоянное и трудноизменяемое, а предельно хороший вид атлетов – непрочный и удобопреходящий. Ведь по причине достижения своих пределов он уже не приемлет возрастания и вследствие неспособности оставаться на той же точке и пребывать в покое ему остается только склоняться к худшему[75]. 9. Таково состояние их тела, когда они подвизаются, когда же перестают, становится намного хуже. Ибо одни спустя некоторое время умирают, другие достигают более старшего возраста, но и они не доживают до старости, а если и достигают ее когда-нибудь, то ни в чем не уступают гомеровским Литам, сделавшись

хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косые[76].

Ибо подобно тому, как стены, расшатанные боевыми машинами, с легкостью разрушаются от любого повреждения, не в состоянии выдержать ни землетрясения, ни какой иной малейшей опасности, так и тела атлетов, став уязвимыми и немощными от ударов, полученных в результате их занятия, склонны страдать по любому поводу[77]. 10. Ибо глаза, часто подбитые,

---

[69] Hippocr. *Epid*. VI. 6. 2.

[70] Hom. *Il.* XXIV. 677–679 (с изменениями). В 679-м стихе «Илиады» речь идет о Гермесе («Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий»), которого Гален заменяет на атлетов.

[71] Ср. Plat. *Resp.* VII. 535e; IX. 586a.

[72] По-видимому, речь идет о телесном наказании ветвями олеандра (= розового лавра), которому подвергали юношей учителя гимнастики.

[73] Hippocr. *Aphor.* II. 51.

[74] Hippocr. *De alim*. 34.

[75] Ср. Hippocr. *Aphor.* I. 3; Gal. *De bono hab*. (Kühn IV, 750–756), *Thrasyb*. (Kühn V, 806–898).

[76] Hom. *Il.* IX. 503. Литы – дочери Зевса, олицетворявшие собой угрызения совести.

[77] Ср. сатирические эпиграммы Anth. Palat. XI. 75–86.

когда сил уже недостаточно, наполняются истечениями; зубы, поскольку часто сокрушались, со временем утрачивают силу и быстро выпадают; вывернутые суставы становятся бессильны против всякого внешнего воздействия, и легко причиняется всякий перелом и разрыв. 11. Итак, очевидно, что относительно телесного здоровья нет никакого иного более жалкого рода (ἀθλιώτερον), чем атлеты (ἀθλητῶν), а потому вполне справедливо можно сказать, что они имеют сродное имя, поскольку или атлеты получили свое название от слова «жалкий» (ἀθλίου), или жалкие заимствовали свое имя от слова «атлет» (ἀθλητοῦ), или наименование и тех, и других вместе происходит от их жалкого состояния (ἀθλιότητος), словно из одного источника[78].

XII. 1. Но после того, как мы рассмотрели величайшее из телесных благ – здоровье, перейдем к прочему. Дела с красотой обстоят у них так, что не только природа не извлекает никакой пользы от состязания, но и многие из тех, кто имел весьма соразмерные конечности, когда попали к гимнастам, которые чрезмерно откормили их и увеличили массу крови и плоти[79], достигли противоположного. 2. Лица некоторых сделались совершенно безобразными и уродливыми, особенно тех, кто упражнялся во всеборье[80] и кулачном бое. Когда же, наконец, они сокрушат или вывернут какой-нибудь из суставов, или выбьют глаз, тогда-то, я думаю, тогда особенно отчетливо видна красота, ставшая результатом их занятия. 3. Вот так благоволит судьба к их красоте, когда они здоровы; когда же отходят от дел, то утрачивают и прочие органы чувств тела, и все вывернутые, как я сказал, члены становятся причиной всяческого уродства.

XIII. 1. Но, возможно, ни на что из названного они и не будут претендовать, лишь на силу. Ибо, я хорошо знаю, они скажут, что сильнее всех. Что же это, о боги, за сила, и где она применима? Неужели в земледельческих трудах? Конечно, атлеты способны прекрасно копать, или косить, или выполнять какую-то другую земледельческую работу. Но, быть может, она применима на войне? 2. Процитируй мне снова Еврипида, который воспоет их в таких словах:

сразятся ли они с врагом, в руках имея диски?

Ибо в самом деле:

никто не глуп настолько пред железом[81].

3. Но сильны ли они пред стужей и зноем? Ведь самому Гераклу подражали бы те, кто и зимой и летом укрывается лишь одной кожей, ходит босыми, спит под открытым небом, прямо на земле! Но во всем этом они немощнее новорожденных детей. 4. Так в чем же еще они проявят силу или чем похвалятся? Ведь не тем, наверное, что способны одолеть сапожников, плотников или зодчих в палестре и на стадионе. А может быть, они считают достойным похваляться тем, что целый день валяются в пыли? Но это свойственно также перепелам и куропаткам, и если уж следует похваляться этим, то и тем, что они целый день принимают грязевые ванны. 5. Но, клянусь Зевсом, известный Милон Кротонский[82], возложив на свои плечи одного из жертвенных быков, однажды пронес его через весь стадион. О, преизбыток глупости, не знать даже того, что немногим ранее то же самое тело живого быка носила душа животного, причем с намного меньшими усилиями, нежели Милон, если она могла даже бегать, нося его! Но эта душа не имела никакой награды, почти так же, как душа Милона. 6. Да и кончина этого мужа

---

[78] Об игре слов ἄθλιοι – ἀθληταί см. также Clem. Alex. *Paedag*. II. 1.

[79] О полном пренебрежении атлетов диетой и его последствиях см. Galen. *De bono hab.* (Kühn IV, 754–756). Ср. Diog. Laert. VI. 49.

[80] Всеборье, παγκράτιον – единоборство с минимальными ограничениями, сочетало в себе кулачный бой и борьбу, болевые приемы и удушения.

[81] Eurip. *Fr*. 282. 19–22 (Nauck).

[82] Милон из Кротона был известным атлетом VI в. до н. э., который прославился в античности своей необычайной физической силой и большим числом побед, одержанных на олимпийских, пифийских, истмийских и немейских играх. Об этом анекдоте упоминает и Афиней (X. 412).

показала, насколько он был глуп. Увидев однажды юношу, который раскалывал бревно вдоль его длины путем вбивания клиньев, он с насмешкой отстранил его, а сам решил расщепить его одними руками. Затем, тотчас приступив к нему что было сил, раздвинул в разные стороны части бревна, но в этот момент клинья выпали, и он, не в состоянии разделить остальную часть бревна, долгое время сопротивлялся, но, в конце концов, уступив, не успел убрать руки. Зажатые сошедшимися друг с другом частями бревна они сокрушились первыми и стали причиной жалкой смерти Милона[83]. 7. Так вот, сильно ли помог ему мертвый бык, которого он нес на стадионе, в том, чтобы никак не пострадать? Или общество эллинов могла бы спасти во время войны с варварами такая сила Милона относительно быка, а не мудрость Фемистокла, который сначала верно истолковал предсказание оракула, а затем вел должным образом войну?[84]

Ведь мудрое одно решенье много
превозмогает рук, с оружьем же
невежество есть худшее из зол[85].

8. Итак, я уверен, что стало уже ясно: занятие атлетов не пригодно ни в одной сфере деятельности. А то, что они не заслуживают никакого упоминания даже в том, чем занимаются, вы узнали бы, если я рассказал вам ту басню, которую сложил в стихах один из мужей не чуждый Муз. Вот она: 9. Если бы по воле Зевса у всех животных было единомыслие и общение, так что глашатай в Олимпии призывал на состязания не только людей, но позволял всем животным прибыть на один стадион, я думаю, ни один человек не получил бы венок.

Ведь на длинном пробеге конь,

– говорит, – победителем будет,

на стадии заяц награду возьмет, на пробеге двойном[86]
газель будет лучшей, из смертных никто не заменит их
в беге, о атлеты ничтожные, жалкие люди[87].

Но даже потомок Геракла не мог бы оказаться сильнее слона или льва! И я думаю, что в кулачном бою венок получит бык. И осел, – говорит он, —

который захочет биться копытом,

и тот получит в награду венок.

И в истории, знающей много примеров,
записано будет, как
осел победил однажды мужей во всеборье,
в двадцать первую было то олимпиаду, когда взял
победу Онкест[88].

---

[83] Рассказ о смерти Милона встречается также у Страбона (VI. 1. 12), Павсания (VI. 14. 8), Авла Геллия (XV. 16) и Лукиана (*Charon* 8).

[84] Об этом эпизоде упоминает Геродот (VII. 143). Накануне Саламинского сражения (480 г. до н. э.) афиняне послали послов в Дельфы, чтобы спросить оракул об исходе войны с персами. Пифия дала два прорицания, и оба неблагоприятные. Однако Фемистокл истолковал их в положительном для греков смысле, убедив афинян на народном собрании, что «деревянные стены», о которых говорила Пифия, означают греческие корабли, которые должны были участвовать в морском сражении, а «гибель сыновей» относится не к афинянам, а их врагам.

[85] Eurip. *Fr*. 200. 3–4, ex *Antiope* (Nauck).

[86] Стадий (στάδιον) составлял 185 м, двойной пробег (διαύλῳ) равнялся двум стадиям, а длинный пробег (δολίχῳ) – 24 стадиям.

[87] Автор этой басни неизвестен. Среди возможных авторов назывались Ксенофан, Федр, Плутарх и кинический философ Кратет из Фив, ученик Диогена. Ср. также Dio Chrys. *Or*. IX. 22.

[88] Игра слов: имя Ὀγκηστής, «Онкест» происходит от ὀγκάομαι – «реветь», «кричать» применительно к ослу.

10. Эта басня весьма изящно показывает, что атлетическая сила – не то, в чем следует упражняться людям. Ведь если атлеты ни в чем не превосходят силой животных[89], то обладателями какого иного блага они могли бы еще стать?

XIV. 1. Если же кто-нибудь скажет, что удовольствие тела также есть благо, то они и ему не причастны ни тогда, конечно, когда состязаются, ни когда перестают, поскольку во время состязания они пребывают в трудах и мучениях не только потому, что тренируются, но еще потому, что едят по принуждению, а после прекращения занятий большинство членов их тела становятся увечными. 2. Так, может быть, они гордятся тем, что больше всех скапливают денег? Но вы можете увидеть, что все они находятся в долгах не только в то время, когда состязаются, но и по прекращении этого занятия, ты не найдешь ни одного атлета, который был бы богаче какого-нибудь домоуправителя богатого человека. 3. Достойно упоминания не просто обладание богатством, полученным от своего занятия, но знание такого искусства, которое выплывет вместе с потерпевшими кораблекрушение, чего лишены и управляющие имением богатых людей, и мытари, и торговцы. Хотя они весьма обогащаются от своих занятий, в случае утраты денег утрачивают вместе с ними и свои дела, поскольку нуждаются в некотором денежном капитале для их поддержания, а не имея его, тотчас утрачивают возможность начать старое дело. 4. Поэтому если кто-то из вас считает достойным готовиться к стяжанию надежного и не бесчестного дохода, следует упражняться в том искусстве, которое пребудет с ним на протяжении всей его жизни. 5. Но поскольку первое разделение в искусствах двойное – ибо некоторые из них – разумные и почтенные, а другие – презренные и связанные с физическим трудом, которые называют грубыми и ручными – было бы лучше стремиться к одному из искусств первого рода, ибо второй их род обычно оставляет ремесленников с наступлением старости. 6. К первому роду принадлежат медицина, риторика, музыка, геометрия, арифметика, счет, астрономия, грамматика, право. Добавь к ним, если угодно, скульптуру и живопись[90]. Ибо хотя они и трудятся руками, их труд не нуждается в юношеской силе. 7. Итак, необходимо, чтобы юноша, душа которого не совершенно скотоподобна, воспринял и изучал одно из этих искусств и, предпочтительно, лучшее среди них, которое, как мы утверждаем, есть медицина. И это нам следует доказать далее. <…>

[89] Тема превосходства физической силы животных над людьми неоднократно встречается в сочинениях протрептического жанра, см. Boeth. *Consol. philos*. III. 8. 7; Plut. *De lib. educ*. [Sp.] 8; Themist. *Or*. XXIV; Stob. IV. 12. 14; Dio Chrys. *Or*. IX. 293.

[90] Ср. Sen. *Ep*. 88. 18.

Об упражнении с маленьким мячом

Предисловие

В трактате «Об упражнении с маленьким мячом» Гален подробно описывает античную игру с маленьким мячом и рассуждает о преимуществах здорового образа жизни и умеренных физических упражнений[91]. Сочинение содержит большое число риторических приемов и топосов, характерных для жанра энкомия, а также так называемого тесиса – школьного упражнения в нахождении аргументов в пользу какого-либо события, факта или явления[92]. Гален восхваляет игру в мяч и приводит аргументы в пользу занятия этим видом упражнения, используя терминологию похвалы и порицания при подборе необходимых аргументов. После краткого вступления он упоминает о древнем происхождении этого упражнения, рассуждает о пользе для тела и души и сравнивает его с другими занятиями и упражнениями.

Игра с маленьким мячом, по мнению Галена, относится к наилучшим упражнениям, которые «способны не только закалять тело, но и услаждать душу» (1), подобно разным видам охоты. Однако в отличие от последней оно доступно как богатым, так и самым бедным, поскольку не требует дополнительного снаряжения и больших временных затрат. В отличие от большинства других упражнений игра в мяч равномерно тренирует все части тела и может быть как сложной, так и простой, и как быстрой, так и медленной (2). Игра была командной и заключалась в следующем: игроки располагались друг напротив друга, в середине поля находился центральный игрок, которому надо было мешать перехватывать мяч (2). За мяч шла борьба, игрок с мячом следил за тем, чтобы его не выронить (3), между игроками допускались разные приемы (в частности, захваты за шею, бока, грудь и живот), чтобы оттолкнуть противника или помешать ему выхватить мяч. Игроки могли передвигаться в разных направлениях и принимать мяч в любой позиции. Эта игра, по словам Галена, требовала и развивала те же способности, которые должны быть у хорошего полководца: «вовремя и незаметно напасть, быстро овладеть ситуацией, захватить вражеское имущество (или силой или благодаря внезапному нападению) и сохранить добычу» (3). В завершение рассуждения он отмечает, что упражнение с маленьким мячом полезно как стариков, так и для детей, как для здоровых, так и для тех, кто не может переносить большие нагрузки, поскольку не изнуряет, а укрепляет тело (4). По всей видимости, это упражнение было хорошо известно современникам Галена, поскольку он опускает многие детали, включая название игры.

Несколько раз Гален упоминает об игре в мяч в других своих сочинениях. В трактате «О сохранении здоровья» он дважды упоминает об игре с маленьким мячом. В первом отрывке он приводит разные виды упражнений, к которым относит и игру с мячом. Гален различает непосредственно спортивные упражнения: борьбу, панкратион, кулачный бой, бег и игры с большим и маленьким мячом; упражнения, которые сочетаются с каким-то видом деятельности: копание, пахота, гребля, подрезание винограда; и упражнения, которые представляют собой род занятий, сопряженный с физическим трудом: строительство домов и кораблей, кузнечное дело[93] и др. Таким образом, игра в мяч относится к категории спортивных упражнений. В дру-

[91] См. Boudon-Millot 2015: 37–56; Christesen, Kyle 2014; Decker, Thuillier 2004–2007; Felsenheld 2009; König 2005; Harris 1972; Пролыгина 2019: 245–252.

[92] Примеры таких риторических упражнений, так называемых «прогимнасм» (напр., следует ли жениться, заниматься политикой, иметь детей, изучать риторику, мореплавание, возводить укрепления), и характерных для них топосов встречаются у многих античных ораторов: Афтония Антиохийского, Теона, Гермогена из Тарса, см. Gibson 2014; Penella 2011, 2015.

[93] De san. tuenda II, 8 (Kühn VI, 133–134).

гом отрывке из этого же сочинения Гален упоминает о «быстрых, но не напряженных и не сильных упражнениях», к которым относит бег, воображаемую борьбу, борьбу только руками и упражнение с маленьким мячом[94].

Об игре в маленький мяч сообщают и некоторые другие античные и византийские авторы, например Поллукс, который был современником Галена и наставником императора Коммода. О ней же упоминает Евстафий Солунский, византийский эрудит XII в. В своем комментарии к «Одиссее» он сохранил несколько отрывков из трактата Светония «Об играх греков», восходящего к I–II вв. н. э. По свидетельству Светония, игра в мяч была очень популярна у греков, которые знали несколько видов таких игр: ἐπίσκυρος, φενίνδα, ἀπόρραξις и οὐρανία[95]. Две последние игры были не командными, а одиночными: ἀπόρραξις заключалась в том, чтобы сильно ударить мячом о землю и поймать его при отскоке, а οὐρανία состояла в подбрасывании мяча вверх и его ловле. По поводу первой игры, ἐπίσκυρος, Поллукс и Евстафий замечают, что правила были следующие: на земле с помощью камешков проводилась линия под названием σκῦρον, на этой линии размещался мяч, затем проводили две другие линии с каждой стороны и тот, кто овладевал мячом первый, бросал его другим, которые должны были его поймать и бросить, стараясь вытолкнуть соперника за заднюю линию. Гален, как следует из текста, не упоминает об этих правилах. Игру под названием φενίνδα Поллукс отождествляет с известной в Античности игрой ἁρπαστόν[96] (лат. harpastum). Об этой игре и тождестве ее названий упоминает также Афиней: «Игра же в мяч, называемая грабежом (ἁρπαστόν), прежде называлась фенинда (φαινίνδα)» Описание этой игры у Афинея во многих деталях (захваты за шею, напряженность игры, уловки) совпадает с замечаниями Галена, поэтому вполне вероятно, что речь идет об одной и той же игре.

Об игре с мячом в контексте пользы посещения гимнастических школ и выполнения гимнастических упражнений упоминает еще один современник Галена Климент Александрийский: «Из мужчин же одни могут в нагом виде бороться, другие в мяч играть, особенно на открытом воздухе в так называемую игру фенинду»[97]. Об уловках, к которым прибегали игроки в ходе, по-видимому, той же игры, пишет два века спустя другой христианский автор Григорий Нисский, сравнивая притворное поведение людей с игрой в мяч: «Вот что обыкновенно делают игроки в мяч: расположившись треугольником, они перебрасывают друг другу мяч, ловко на лету перехватывая его один от другого, а того, кто находится в середине, вводят в обман; притворным движением лица и каким-нибудь мановением руки показывая тому, кто хочет поймать мяч, что хотят бросить его направо или налево, а на самом деле отбрасывают мяч в сторону, противоположную той, куда он стремится, и хитростью обманывают его ожидания»[98].

Таким образом, суть игры в мяч под названием «фенинда» или «гарпастон» заключалась, по видимому, в следующем: две команды игроков располагались друг напротив друга, в середине поля находился центральный игрок; игроки атакующей команды передавали мяч друг другу и старались его не упустить, двигаясь к линии своих противников; игрок с мячом старался обмануть своих противников, которые могли, в свою очередь, прибегать к разным приемам (напр., удушениям, обхватам туловища), чтобы отнять мяч; центральный игрок следовал за мячом и старался перехватить его в полете при передаче от одного игрока к другому; дру-

---

[94] Ibid. II, 10 (Kühn VI, 144).

[95] Pollux. *Onomast.* IX, 104; Eustathius. *Comm. ad Homeri Odys.* 1601; *Taillardat* 1967: 33–35.

[96] Согласно Поллуксу этимология слова φενίνδα связана либо с именем ее первого изобретателя, некого Файнинда, либо с глаголом φενακίζω, «обманывать, мошенничать», поскольку игра допускала разные уловки со стороны игроков. Последнюю этимологию поддерживает и Евстафий Солунский. Афиней связывает ее этимологию со словом ἄφεσις «потому, что игроки бросали мяч» или с именем изобретателя по имени Фенестий. У латинских авторов термином harpastum обозначали не столько игру, сколько сам мяч (см. Martialis, *Epigr*. IV, 19), который позднее стал называться pila (Hist. Aug., Marcus Aurelius IV, 9–10).

[97] Clem. Alex. *Paedag*. III, 10, 50 (рус. пер. Н. Корсунского).

[98] Greg. Nyss. *Epist.* 16 (рус. пер. ТСО под ред. Т. Л. Александровой).

гие игроки могли выступать вперед, отступать назад и в сторону, чтобы поймать передачу; они могли передвигаться с большей или меньшей скоростью, чередуя активные действия с отдыхом в зависимости от положения на поле; когда центральному игроку удавалось перехватить мяч, игра останавливалась, и игроки менялись ролями.

И. В. Пролыгина

Об упражнении с маленьким мячом[99]

1. О том, какое благо проистекает здоровью, Эпиген[100], от физических упражнений и о том, что ими следует предварять [прием] пищи, уже достаточно сказано древними мужами, наилучшими из философов и врачей[101]. А что все прочие упражнения превосходит упражнение с маленьким мячом, этого еще никто из предшественников не разъяснил в достаточной мере[102]. Поэтому справедливо нам сказать то, что мы знаем. А ты, который лучше всех овладел искусством этих упражнений, рассудишь наши слова, которые, если сочтешь их достаточными, будут полезны и другим, кому ты передашь этот рассказ.

Ибо я утверждаю, что наилучшие из всех упражнений способны не только закалять тело, но и услаждать душу[103]. И те, кто изобрел псовую и иную охоту, сочетая затраченное на нее усилие с радостью, удовольствием и честолюбием, были мудрыми мужами, тщательно изучившими человеческую природу. Ибо волнение души может достигать во время охоты такой силы, что многие от одной только радости избавились от болезней, тогда как многие другие от печали погибли. И нет ни одного столь сильного телесного аффекта, чтобы он мог возобладать над аффектами душевными. Поэтому не следует пренебрегать волнениями души, какими бы они ни были, но необходимо заботиться о них намного более, чем о волнениях тела настолько, насколько первые важнее последних. Это общая черта всех упражнений, доставляющих удовольствие, но у упражнения с маленьким мячом есть особые черты, о которых я сейчас расскажу.

2. Во-первых, это доступность (εὐπορία). Ведь если бы ты представил, сколь великой подготовки и свободного времени требуют все прочие занятия охотой и псовая охота, ты ясно понял бы, что никто из посвятивших себя государственным делам или занимающихся каким-либо искусством не способен предаваться таким упражнениям. Ибо они требуют от человека великого богатства и немалого досуга. И только это упражнение столь гуманно (φιλάνθρωπον), что даже самый последний бедняк не испытывает затруднений для подготовки к нему (ибо оно не требует ни сетей, ни оружия, ни коней, ни охотничьих псов, но только мячика, да и то маленького), и столь снисходительно к другим занятиям, что не вынуждает ради себя пренебрегать ни одним из них. Впрочем, что может быть доступнее того, что допускает всякую человеческую участь и занятие? Ибо возможность заниматься упражнениями, связанными с охотой, зависит не от нас, поскольку требует богатства, которое обеспечивает подготовку снаряжения, и досуга, который позволяет выжидать удобное время для этого занятия. А у этого

---

[99] Перевод сочинения «Об упражнении с маленьким мячиком» (греч. Περὶ τοῦ διὰ μικρᾶς σφαίρας γυμνασίου, лат. De parvae pilae exercitio) выполнен по изданию Henderson J. Galen. Hygiene II. Thrasybulus. On exercise with a small ball. LCL 536. Cambridge, London: Harvard University Press, 2018 (= Kühn V, 899–910; Marquardt. *SM* I: 93–102). Текст написан во время второго пребывания Галена в Риме (169–180 гг.), незадолго до смерти Марка Аврелия (Boudon-Millot 2012: 360). Рус. перевод впервые был опубликован: Гален. *Об упражнении с маленьким мячом* / Пер. с древнегреч. и прим. И. В. Пролыгиной // Философия. Журнал ВШЭ. Том III. № 1, 2019. С. 253–261.

[100] Эпиген, которому Гален посвятил свое сочинение *De praecognitione ad Epigenem* (Kühn XIV, 599–673; Nutton, 1970, CMG V 8, 1), был, скорее всего, состоятельным и образованным человеком, возможно, соотечественником Галена и интересовался медициной. Во времена Галена интерес к медицине был одним из признаков принадлежности к интеллектуальной столичной элите (cf. Aul. Gellius. *Noct. att.*, XVIII 10, 8), поэтому не исключено, что Эпиген был также государственным чиновником, коллегой или учеником Галена, который посещал его медицинские диспуты. См. Nutton 1979: 148, Schlange-Schöningen 2003: 140–141, Boudon-Millot 2012: 123.

[101] О связи здоровья и врачевания с гимнастикой см., напр., Plato. *Leges* 795d-796d, 829e-834d; *Laches* 181e-182d; *Resp.* 403c-412b, *Gorg*. 464b-465b; Hippocrates. *De diaeta* II, 61–6; *De diaeta sal*. 7. Сам Гален посвятил несколько сочинений этому вопросу: *Thrasybulus* (Kühn V, 806–898), *De san. tuenda* (Kühn VI, 1–452), *De opt. const.* (Kühn IV, 737–749).

[102] Ср. Celsus. *De medicina* I, 2, 6; I, 6, 1; I, 8, 1.

[103] Ср. Plato. *Resp*. 403c-412b.

упражнения подготовка снаряжения доступна даже для самых бедных, и даже весьма занятые люди способны найти на него время. Вот какое благо проистекает от его доступности.

А то, что оно самое полезное (πολυαρκέστατον) среди других упражнений, ты мог бы узнать наилучшим образом, если рассмотрел свойство и природу каждого из них. Ибо ты обнаружишь, что упражнение бывает сложным или простым, или приводит в движение нижние конечности тела более, чем верхние, или какую-то часть преимущественно перед другими, как например, бедра, или голову, или руки, или грудь. А приводить в движение все части тела в равной мере и достигать самого трудного уровня и нисходить до самого простого не способно ни одно из упражнений, кроме упражнения с маленьким мячом[104], поскольку оно может быть попеременно очень быстрым и очень медленным, очень сложным и очень простым по желанию каждого и нужде его тела. Таким же образом оно может, в одном случае, приводить в движение все части его тела одновременно, а в другом, может двигать одни части преимущественно перед другими.

Ибо когда состязаются, стоя друг против друга и мешая находящемуся в центре перехватить [мяч], упражнение бывает весьма тяжким и требующим больших усилий, поскольку оно сопровождается многочисленными удушениями, многочисленными борцовскими приемами, так что голова и шея напрягаются от этих удушений, а бока, грудь и живот – от обхватов, толчков, упираний и прочих борцовских приемов. При этом также сильно напрягаются бедра и голени, и от такого занятия усиливается устойчивость стопы. И делать выпад вперед и назад и отскакивать в сторону – немалое упражнение для ног, но, по правде говоря, единственное, которое двигает самым правильным образом все их части. Ибо у тех, кто делает выпад вперед, больше упражняются одни сухожилия и мышцы, а у тех, кто делает его назад – другие, так же как у тех, кто уворачивается в сторону, иные. И всякий, кто совершает только один вид движения, подобно бегунам, тот упражняет части ног неравномерно и неодинаково.

3. И как для ног, так и для рук это упражнение самое правильное, если руки привыкли принимать мяч в любой позиции. Ибо необходимо, чтобы и здесь разнообразие позиций напрягало сильнее то одни, то другие мышцы, так чтобы все они, поочередно упражняясь, имели равную [нагрузку], и, пока одни работают, находящиеся в покое отдыхали, и таким образом все, поочередно работая и отдыхая, не оставались вовсе без дела и не переутомлялись от беспрерывного труда.

А то, что оно тренирует зрение, можно узнать, вспомнив, что если кто-нибудь не заметит точного направления [полета] мяча, то ему никак не удастся его поймать. Кроме того, это упражнение закаляет ум заботой о том, как бы не выронить мяч, воспрепятствовать центральному [игроку] или осуществить перехват, если придется. Забота сама по себе изнуряет, а в сочетании с каким-нибудь упражнением и честолюбием и по достижении удовлетворения она приносит величайшую пользу и здоровью тела и благоразумию души.

И немалое благо, когда упражнение может содействовать и тому и другому – и телу и душе – в [стяжании] свойственного для каждого из них наилучшего качества (ἀρετήν). А то, что оно способно развивать самые важные их качества[105], которые цари [и законы] города более всего повелевают стяжать своим полководцам, заметить нетрудно. Ибо вовремя и незаметно напасть, быстро овладеть ситуацией, захватить вражеское имущество (или силой или благодаря внезапному нападению) и сохранить добычу – дела хороших полководцев. И вообще говоря, необходимо, чтобы полководец был стражем и ловким вором, и во всем его искусстве это глав-

---

[104] В *Coll. med*. Орибасия (6, 21–4, 6, 25–36: CMG 6. 1. 1. 177–87) сохранился отрывок из сочинения греческого врача Антилла (III в. н. э.) о физическом упражнении, в котором автор перечисляет разные виды упражнений. Среди упражнений с мячом он различает упражнения с пятью разными видами мячей, описывая технику игры с ними и пользу для тела. Игру с маленьким мячом он также считает наиболее полезной, поскольку она делает все тело здоровым, подвижным и сильным и укрепляет зрение и внимание (VI, 32, 3).

[105] Гален использует риторическую *figura etymologica* (ἀσκεῖν τὰς ἀσκήσεις).

ное. Итак, разве какое-то иное упражнение способно в такой же мере научить сохранять захваченное или вернуть утраченное или предугадать мысль противников? Я бы удивился, если кто-то смог назвать его. Ибо большинство из упражнений влияют на разум противоположным образом, делая его ленивым, сонным и замедленным. Ведь те упражнения, которыми занимаются в палестре ради дарующих венки состязаний, приносят скорее тучность, чем воспитание добродетели; и вот многие столь разжирели, что с трудом переводят дух. Такие люди, конечно, не могли бы стать ни хорошими полководцами, ни управляющими царскими или государственными делами; скорее кто-нибудь доверил бы что-то в управление свиньям, чем им[106].

Но, возможно, ты подумаешь, что я одобряю бег или другие упражнения, которые изнуряют тело. Это не так. Ибо я порицаю любую неумеренность и утверждаю, что всякое искусство должно развивать соразмерность, и даже если что-то лишено меры, то это не хорошо[107]. Следовательно, я не одобряю и бег, поскольку он изнуряет состояние [тела] и никак не развивает храбрость. Ибо победа достается не тем, кто быстро бегает, но тем, кто может одолеть в рукопашном бою, и спартанцы преуспели не потому, что быстрее всех бегали, но потому что смело держались. Если же ты поинтересуешься [его пользой] для здоровья, то насколько неравномерно он тренирует части тела, настолько же и не содействует здоровью. Ибо во время бега одни части перетруждаются, а другие совершенно бездействуют. И ни то ни другое не хорошо, но оба [эти состояния] взращивают семена болезней и способствуют недугам.

4. Более же всего я одобряю упражнение, которое способно доставить здоровье телу, слаженность его частям и добродетель душе – все это присуще упражнению с маленьким мячом. Ибо оно способно приносить пользу душе во всех отношениях и развивать в равной мере все части тела. И особенно оно содействует здоровью и производит соразмерность состояния [тела], не вызывая ни неумеренной тучности ни чрезмерной худобы, но годится для занятий, требующих силы, и подходит для тех, которые требуют скорости. Таким образом, поскольку в этом упражнении заключена большая сила, оно ни в чем не уступает ни одному из упражнений.

Но давайте снова посмотрим на его крайнюю легкость (πρᾳότατον). Ибо бывают случаи, когда нам требуется и она: по причине возраста, или когда мы еще или уже не можем выносить сильные нагрузки и хотим ослабить напряжение, или выздоравливаем от болезней. Мне кажется, что и в этом отношении наше упражнение имеет преимущество перед любым другим. Ибо ни одно упражнение не может сравниться с ним в легкости, если заниматься им спокойно. В этом случае следует занять центральное положение, никоим образом не отступая от умеренности, то слегка выступая вперед, то оставаясь на месте, и после непродолжительного состязания обратиться к мягким растираниям маслом и теплым ваннам. Итак, это самое легкое из всех упражнений, причем оно весьма полезно тому, кто нуждается в отдыхе, и лучше всего может восстановить силу больного и весьма полезно как для старика, так и для ребенка.

Но всякому, кто желает правильно и полноценно заниматься с мячом, следует также знать, что с маленьким мячом можно выполнять и более трудные, чем это, упражнения, которые будут все же легче, чем предельно сложное. Ведь если бы ты, выполняя необходимые дела, которые часто во множестве нас настигают, стал бы несоразмерно нагружать или верхние части или нижние или только ноги или руки, то смог бы через это упражнение одним частям, которые прежде устали, дать покой, а другие части, которые прежде оставались в полном бездействии, привести в движение, равное движению потрудившихся частей. Ибо кто сильно бросает [мяч] с приличного расстояния, или вообще не используя ноги, или используя их мало, тот дает отдых нижним конечностям, а верхние двигает сильнее. А кто больше бегает и производит быстрые, но редкие броски с больших расстояний, тот больше напрягает нижние конечности.

---

[106] Об идеале умеренности при занятии спортом и вреде неумеренных атлетических упражнений, приводящих к травмам, перееданию и болезням, см. *De opt. const.* (Kühn IV, 753, 750–6), *Protr*. XI. Ср. Hippocr. *De diaeta* 2, 61–6, *De diaeta sal*. 7, *Aphor*. I, 3.

[107] Гален снова использует игру слов (парономасию): (ἀμετρίαν … σύμμετρον … μέτρου).

И подвижная и быстрая игра с мячом без сильного напряжения больше упражняет дыхание, тогда как напряженная, но не быстрая игра с борьбой [за мяч], подачами и приемами больше развивает силу и крепость тела[108]. И если это занятие будет напряженным и быстрым одновременно, то оно сильно изнурит и тело и дыхание и будет самым тяжелым из всех упражнений. А насколько при каждой надобности следует напрягать и расслаблять [тело], описать невозможно, ибо [необходимое] в каждом случае количество невыразимо. Но на практике возможно обнаружить и показать, в чем преимущественно состоит вся сила, ибо даже качество бесполезно, если оно искажено количеством. Это следует адресовать тренеру, который намеревается обучать этому упражнению[109].

5. Но давайте перейдем к заключительной части нашего рассуждения. Ибо помимо названных преимуществ этого упражнения я хочу упомянуть и о том, сколь разных и многочисленных опасностей оно лишено в отличие от большинства других упражнений. Ведь быстрый бег погубил уже многих вследствие разрыва жизненно важного сосуда. Также громкие и вместе с тем сильные звуки, произнесенные одновременно, стали причинами величайших бед для немалого числа людей[110]. И напряженные конные скачки производили разрывы в области почек и часто повреждали область грудной клетки, а иногда и семенные каналы, не считая промахов лошадей, из-за которых наездники, часто выпав из седла, тотчас погибали. Также и прыжки, и метание диска, и упражнения, требующие разграничительного рва, повредили суставы у многих упражнявшихся. Что и говорить о всех состязающихся в палестре, которые обезображены ничуть не меньше гомеровских Лит[111]? Ибо как поэт называет их «хромыми, морщинистыми, робко подъемлющими очи косые[112]», так и ты можешь увидеть, что состязающиеся в палестре хромы, или кривы, или биты, или совершенно увечны в каком-то суставе. И если вдобавок к тем преимуществам, которые я назвал, упражнения с маленьким мячом имеют еще и то преимущество, что не подвергают никакой опасности, то они, пожалуй, самые полезные среди всех упражнений.

---

[108] Гален снова употребляет парономасию (συντονίας … εὔτονον … ἐντείνει).

[109] Игра в мяч, видимо, регулярно практиковалась в гимнасиях, в которых существовали даже специальные помещения (*sphairisteria*) для этих игр, см. König 2005: 281.

[110] Скорее всего, Гален имеет в виду соревнования трубачей, которые входили в состав Олимпийских игр.

[111] Литы – дочери Зевса, олицетворявшие собой угрызения совести.

[112] Гомер, *Илиада* IX, 503 (пер. Н. Гнедича). Этот же отрывок Гален приводит в своем *Протрептике* (XI, 9) при описании внешнего вида атлетов (рус. пер. Пролыгина 2014).

О том, что наилучший врач – также философ

Предисловие

Небольшой трактат «О том, что наилучший врач – также философ» относится к сочинениям, посвященным Гиппократу, к трудам которого Гален составил обширную серию комментариев. В своем библиографическом сочинении «О собственных книгах» он пишет: «К Гиппократу относится и другая маленькая книжка, в которой я показываю, что наилучший врач непременно есть и философ, и эта книга надписывается такой краткой надписью: “О том, что наилучший врач – также философ”»[113].

Датировка произведения устанавливается приблизительно. В самом тексте не содержится никаких прямых свидетельств, позволяющих определить время его написания. Исследователи хронологии галеновского корпуса опираются на близкую смысловую связь и текстологические совпадения настоящего текста с комментариями Галена к трактату Гиппократа «О природе человека» и комментариями к «О воздухе, водах, местностях», написанных в период правления Коммода между 180 и 192 гг. Предположительно, трактат «О том, что наилучший врач – также философ» был написан в этот же период или чуть позже.

Заголовок трактата часто упоминается в качестве иллюстрации приверженности Галена философии, а латинский перевод названия этого сочинения стал крылатым выражением *Optimus medicus philosophus est*. Гален полагал, что невозможно быть успешным врачом без владения тремя основными частями философии: логикой, физикой и этикой (III, 8). Однако под философией Гален понимает в этом сочинении, скорее, выражение верности учению Гиппократа, которого на протяжении всего трактата он ставит в пример современным ему врачам. Автор изображает профессиональный и моральный упадок медицины в Риме II века, где стремление к легкой наживе и быстрой славе заменило собой заботу о больном. Своим оппонентам Гален противопоставляет фигуру Гиппократа как безусловного авторитета, утверждая, что наилучший врач, врач-философ – это тот, кто обладает качествами Гиппократа.

Сочинение сочетает в себе жанровые черты протрептика – увещания, обращенного к молодым людям, желающим выбрать карьеру врача, с чертами инвективы – обличительной речи против современных врачей, которые «восхваляют Гиппократа и считают его первым из всех, однако сами скорее делают все, чтобы только не поступать подобно ему» (I, 1). Композиция трактата тематически построена вокруг фигуры косского врача, его имя упоминается 14 раз. Прямые и косвенные ссылки на учение и метод Гиппократа проходят сквозной линией через все произведение. Проводя сравнение между современными врачами и атлетами, которые стремятся к победе, но не желают прикладывать усилий для ее достижения, Гален высмеивает некоторых своих коллег за незнание основ медицинского искусства, заложенных еще Гиппократом: роли астрономии и геометрии в медицине (2), природы тела (3), деления болезней на роды и виды (4), прогноза болезней (5), типов диеты (6) и даже за неспособность ясно излагать свои мысли (7).

Обрисовав картину деградации современной ему медицины, Гален пытается выяснить ее причины (II.1). Полагая, что успех и профессионализм в любом деле зависят от воли и способностей (2), и обращаясь снова к метафоре атлетов (3), Гален иронично вопрошает читателя о действительных способностях своих современников (4), утверждая, что мир всегда одинаков, и причина – не в изменении естественного порядка вещей (5), а в поведении и образе жизни

[113] *De libr. pr*. IX (K. XIX, 37).

его коллег (6). Более того, они не заслуживают никакого оправдания, поскольку Гиппократ уже изложил все необходимое для занятия медицинским искусством (7) и нужно всего лишь противостоять материальным соблазнам (8) и довольствоваться необходимым для простой и скромной жизни (9).

В следующей главе Гален переходит к описанию фигуры идеального врача, достойного последователя Гиппократа, приводя множество примеров и цитат из его корпуса (III). Подобно косскому врачу, истинный врач не должен заботиться только о лечении богатых, пренебрегая бедными (1). Ему следует путешествовать из города в город, изучая месторасположение (2) и качество воды (3), обладая при этом не только трудолюбием, но и воздержанием (4). Кроме того, он должен владеть методом логических доказательств для различения болезней и их деления на роды и виды (5), знать природу тела (6) и назначение каждой из его частей (7). Благодаря знанию основных частей философии – логики, физики и этики – врач сможет именоваться философом (8). Суть этического учения, согласно Галену, состоит в презрении к деньгам и упражнении в воздержании (9), которые служат залогом всех прочих добродетелей (10). Подводя итог вышесказанному, автор заключает, что истинный врач непременно должен быть философом (11), иначе уподобится торговцам снадобьями, которые используют свое искусство только ради наживы (12).

В четвертой главе Гален предвосхищает возможные возражения оппонентов. Обращаясь к вымышленному собеседнику, готовому спорить о значении слов (IV.1), пергамский врач убеждает его образумиться (2), признав, что в медицине так же, как и в других видах искусств, необходимы выучка и практика под руководством наставника (3), лучшим из которых следует признать Гиппократа. И тем, кто станет его истинным подражателем, возможно не только уподобиться ему, но и превзойти, совершив новые открытия (4).

Несмотря на свой небольшой объем, трактат «О том, что наилучший врач – также философ» получил множество различных интерпретаций. Он рассматривался как разновидность программы, составленной Галеном для критики своих противников и привлечения большего числа студентов; как философско-этический трактат или сочинение по эпистемологии. С другой стороны, трактат относят к серии текстов, посвященных вопросу медицинского преподавания и выбору хорошего наставника, таких как «Протрептик» или «Медицинское искусство».

Многочисленные автобиографические замечания Галена о его постоянных дебатах с оппонентами по философским и медицинским проблемам, глубокое знание классических греческих текстов, владение техническими риторическими приемами ведения полемики и выступления на публичной арене, личное знакомство с социальной, политической и интеллектуальной элитой Рима, а также приверженность идеалу образованного человека (πεπαιδευμένος) позволяют говорить о его живом участии в культурной жизни своей эпохи, периода так называемой «Второй софистики»[114].

И. В. Пролыгина

[114] Для авторов этого периода, главным образом, характерны: 1) публичные декламации на импровизированные темы, 2) аллюзии на события из греческой истории или мифологии, многочисленные цитаты классических греческих авторов, 3) интерес ко всем аспектам языка и подражание аттическому языку классического периода, 4) акцент на владении греческим языком и классическим греческим образованием, 5) пристальное внимание к риторическому построению речи и использованию риторических приемов, 6) принадлежность к интеллектуальной и политической элите.

О том, что наилучший врач – также философ

I. 1. Что претерпели многие из атлетов, которые стремились к победе на Олимпийских играх, но не предпринимали никаких усилий для достижения этой цели, то же случилось и с большинством врачей, ибо они восхваляют Гиппократа и считают его первым среди всех, однако сами скорее делают все, чтобы только не поступать сообразно ему. 2. Ибо он говорит, что астрономия и, очевидно, предшествующая ей в силу необходимости геометрия в немалой степени содействуют медицине[115]. Они же не только сами не следуют ничему из этого, но и следующих порицают. 3. Кроме того, Гиппократ считает необходимым тщательно знать природу тела, утверждая, что она есть начало всякого медицинского рассуждения[116]. Но они и об этом радеют так, что не знают не только сущности каждой из частей [тела], их строения, образования, величины или отношения к близлежащим частям, но даже их местоположения. 4. К тому же, поскольку от незнания того, на какие виды и роды делятся болезни, случается, что врачи ошибаются в лечебных указаниях, Гиппократ увещал нас упражняться в логическом умозрении. А нынешние врачи настолько далеки от упражнения в нем, что и упражняющихся порицают за будто бы бесполезные занятия. 5. Таким же образом, Гиппократ говорит, что необходимо проявлять большое попечение о прогнозе настоящих, прошлых и будущих болезней, ожидающих больного[117]. Они же и эту часть искусства изучили столь усердно, что, если кто предскажет кровотечение или пот, они объявляют его шарлатаном и пустомелей [118]. 6. Ибо они едва вынесли бы того, кто предсказывает таким образом и другое, тогда как сами едва могли бы когда установить вид диеты на предстоящей высшей точке болезни, хотя Гиппократ как раз повелевает назначать диету[119]. 7. Итак, что же остается у тех, кто соперничает с делами этого мужа? Уж, конечно, не умение изъясняться, ибо Гиппократ и в этом преуспел; они же напротив, так что можно видеть, как многие из них дважды ошибаются в одном слове, что нелегко даже представить[120].

II.1. Посему я решил исследовать, какова может быть причина, по которой все, хотя и удивляются этому мужу, однако не читают его сочинений, или же, если это случается, не разумеют сказанного, или, если и в этом преуспеют, не развивают теорию практикой, желая обос-

---

[115] Перевод трактата «О том, что наилучший врач – также философ» (греч. Ὅτι ὁ ἄριστος ἰατρὸς καὶ φιλοσόφος, лат. *Quod optimus medicus sit quoque philosophus*) выполнен по изданию Galien. *Sur l'ordre de ses Propres Livres; Sur ses Propres Livres; Que l'Excellent Médecin est aussi Philosophe* / Texte établi, trad. et annoté par V. Boudon-Millot. Paris: Belles lettres, 2007 (= Kühn C. G. Galeni. *Opera Omnia* I, 53; Müller I. SM_2, 1). Рус. перевод впервые был опубликован: Пролыгина И. В. Гален Пергамский и его трактат «О том, что наилучший врач есть также философ» // Историко-философский ежегодник 2011. Институт философии РАН. Изд.: «Канон+», М., 2013. С. 82–100. Приводимые в примечаниях цитаты из других сочинений Галена и текстов Гиппократа даются в нашем переводе, кроме отдельно указанных мест.См.: Гиппократ. *О воздухе, водах и местностях* II, 3 (Littré II, 16), где автор, отвечая на вопрос воображаемого оппонента, утверждающего, что смена времен года не влияет на здоровье человека, говорит: «Он узнал бы, что астрономия в значительной степени содействует медицине».

[116] В Гиппократовом корпусе часто встречается мысль о том, что в основе медицинского искусства лежит знание человеческой природы и человеческого тела. См., напр., *О местах в человеке* II (Littré VI, 278): *Природа тела есть начало медицинского рассуждения*, или: *О диете* I, 2 (Littré VI, 468), *О древней медицине* XX, 3 (Littré I, 622).

[117] Гиппократ придавал большое значение прогнозу болезней для приобретения авторитета у больного, см. *Прогностика* 1 (Littré II, 110): «Ибо, предвидя и предсказывая (προγιγνώσκων γὰρ καὶ προλέγων) больным их настоящее, прошлое и будущее и разъясняя то, что больные оставляют в стороне, он смог бы убедить их, что лучше знает дела больных, так что люди осмелятся доверить себя врачу».

[118] Прогнозу болезней Гален посвятил отдельное сочинение *О прогнозе*, в котором отмечает, что этот раздел медицины представляет собой самую прекрасную часть медицинского искусства (τὰ κάλλιστα τῶν τεχνῶν – Kühn XIV, 599 = CMG V, 8, 1, 1979, p. 68, 6–7).

[119] См.: Гиппократ. *Афоризмы* I, 3–11, 8–9 (Littré IV, 464): «Когда болезнь достигает наивысшей точки, необходимо назначать самую строгую диету. Следует также рассчитать в отношении больного, в силах ли он при своей диете выдержать высшую точку болезни …» (пер. В. И. Руднева).

[120] Гален всегда придавал большое значение ясности и точности словоупотребления. Известно, что он был автором многочисленных риторических и грамматических трактатов, которые не сохранились.

новать ее и возвести в навык. 2. Я нахожу, что все успехи случаются у людей благодаря их воле и способности. И если кто в одном из этого не преуспел, то, конечно, и цели своей не достигнет[121]. 3. Вот, например, мы видим, что атлеты не достигают своей цели или по причине неспособности своего тела, или по причине небрежения упражнением. А у кого и природа тела достойна победы, и безукоризненность в упражнении, каким образом он может не получить в награду множество венков по истечении игр? 4. И разве нынешние врачи не терпят неудачу и в том, и в другом, не прилагая к упражнению в искусстве ни способности, ни воли, достойной упоминания, или же, если одно у них есть, то другого они лишены? 5. Однако [утверждать], что никто не обладает от природы душевной способностью, достаточной для постижения столь человеколюбивого искусства, мне кажется неразумным, поскольку мир, конечно, одинаков и тогда и ныне, и ни порядок времен года не переменился, ни солнечный круговорот не перестроился, ни какая другая звезда, будь то неподвижная или блуждающая, не претерпела никакого изменения. 6. Но благоразумно [предположить], что по причине дурной пищи[122], которой питаются нынешние люди, и вследствие того, что богатство почитается выше добродетели, больше не встречается ни Фидий среди скульпторов, ни Апеллес среди художников, ни Гиппократ среди врачей[123]. 7. Хотя для нас, конечно, немалым преимуществом было наследовать древним и воспринять искусства, возведенные ими на высочайший уровень. А посему было легко, изучив за несколько лет то, что Гиппократ открыл за весьма долгое время[124], остальное время жизни употребить на открытие недостающего. 8. Но нельзя, воздавая богатству более чести, нежели добродетели, и изучая это искусство не ради благодеяния людей, но ради обогащения, достичь поставленной цели. Ведь другие успеют обогатиться прежде, нежели мы достигнем цели. Ибо невозможно одновременно наживать деньги и упражняться в столь великом искусстве, но кто сильнее устремился к одному, тот неизбежно презрел другое. 9. Итак, можем ли мы назвать кого-нибудь из наших современников, кто стремится к стяжанию денег лишь настолько, чтобы обслуживать с их помощью необходимые потребности тела? Есть ли кто-нибудь, кто может не только словом изложить, но и делом доказать, что предел богатства по природе ограничивается отсутствием голода, жажды и холода?

III. 1. И, конечно, если такой врач существует, то он с презрением отнесется к Артаксерксу и Пердикке[125], и первому он никогда даже не покажется на глаза, а второго, страждущего болезнью, требующей Гиппократова искусства, исцелит, однако не удостоит постоянным пре-

---

[121] Очевидно, в подтверждение вышесказанного о важности владения речью Гален использует риторическую фигуру парономасии, или созвучия: εὐτυχήσειεν – «преуспеют», ἀτυχήσαντι – «кто не преуспел», ἀποτυχεῖν – «не достигнет своей цели».

[122] Слово τροφή, «пища», имеет у Галена и более широкое значение «воспитания» и «поведения». В отличие от παιδεία, «воспитания, полученного у наставника», τροφή означает «родительское воспитание», см.: Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М.: ГЛК, 1998. С. 201. Диета, согласно Галену, служит не только средством для поддержания телесного здоровья, но является частью этического учения, поскольку позволяет человеку осознать чувство меры и упражняться в воздержании.

[123] Знаменитый современник Перикла афинский скульптор Фидий, ровесник Филиппа Македонского художник Апеллес и Гиппократ олицетворяют для Галена три главные вида искусств: скульптуру, живопись и медицину. Ж. Жуанна (Jouanna J. La lecture de l'éthique hippocratique chez Galien // Médicine et morale dans l' Antiquité, Genève-Vandœuvres, 1997. P. 250) предполагает, что здесь содержится аллюзия на платоновский *Протагор* (311 b-c), где упоминаются Гиппократ, Фидий и Поликлет как представители медицины и скульптуры. Гален заменяет Поликлета на Апеллеса как представителя третьего рода искусства – живописи.

[124] Гален неоднократно упоминает, что залогом развития медицины служит изучение древних авторов. См., напр., *О методе лечения* IX, 4 (Kühn X, 609): «И неудивительно, что в то время как другие наносят друг другу визиты вежливости, обходя кругом весь город, и устраивают совместные трапезы, приглашая богатых и могущественных, мы в течение всего того времени сперва кропотливо изучили все то прекрасное, что открыли древние, а затем на деле оценили его и одновременно испробовали».

[125] Согласно разным источникам (Soranus. *Vita Hippocratis* 8, 3; Plut. *Cato Major* 23, 4) персидский царь Артаксеркс (464–424 гг. до н. э.) хотел призвать на службу Гиппократа для борьбы с чумой, разразившейся в его армии, обещая ему золото, деньги и разные почести. Но косский врач отказался от предложения царя, ответив, что имеет все необходимое для жизни и не будет помогать варварам, врагам греков. – Пердикка II, македонский царь (Soranus. *Vita Hippocratis* 5, 1) якобы страдал от чахотки, которая на деле оказалась страданием от любви к некой Филе, наложнице своего отца.

быванием. Но он будет лечить бедняков Кранона, Тасоса и других городков и оставит жителям Коса, своим согражданам, Полиба[126] и других учеников, а сам обойдет в своих странствиях всю Грецию, поскольку ему надо написать кое-что и о природе мест. 2. Итак, чтобы ему на опыте оценить знания, извлеченные из учения [Гиппократа], он непременно должен собственными глазами взглянуть на города – какой обращен к югу, какой к северу, какой к восходу солнца, а какой к закату[127], и посмотреть на тот, что расположен в низине или на высоте[128], что использует подведенные воды, родниковые, дождевые или воды из озер и рек[129]. 3. И ему не следует пренебрегать тем, использует ли город слишком холодные или теплые воды, щелочные или квасцовые[130], или какие-то другие подобного рода, и посмотреть на город, соседствующий с большой рекой и озером, с горой и морем, и обдумать все прочее, чему научил нас сам Гиппократ. 4. Поэтому, кто хочет стать подобным [ему] врачом, тот не только должен презирать деньги, но и быть в высшей степени трудолюбивым. И, конечно, не может быть трудолюбивым тот, кто упивается, или объедается, или предается любовным утехам или, одним словом, постыдным занятиям, и служит желудку. Ведь истинный врач оказывается другом воздержания, так же как товарищем истины. 5. Кроме того, ему следует упражняться и в логическом методе[131], чтобы знать, на сколько видов и родов подразделяется вся совокупность заболеваний и как каждом случае следует понимать то или иное указание к лечению[132]. 6. И тот же самый метод обучает нас самой природе тела, состоящей из первоэлементов, которые, смешиваясь друг с другом, образуют целое, и из вторых элементов, чувственных, которые еще называются гомеомерными, и кроме того, в-третьих, из органических частей[133]. 7. Но какая польза живому существу от

---

[126] Полиб был учеником и зятем Гиппократа. После отъезда своего учителя в Фессалию Полиб остался в Астипалее, древней столице Коса, в качестве его преемника и продолжил преподавание медицины.

[127] См.: Гиппократ. *О воздухе, водах и местностях* I, 3 (Littré II, 12): «Поэтому, когда в город приходит врач, который незнаком с ним, необходимо поразмыслить о его местонахождении, как он расположен и по отношению к ветрам, и к восходу солнца, ибо не одинаковые возможности имеет тот, что расположен к северу, и тот, что к югу, или тот, что к восходу солнца, или тот, что к закату».

[128] См.: Гиппократ. *О воздухе, водах и местностях* I, 5 (Littré II, 12): «Он должен рассмотреть и землю, обнажена ли она и безводна, или лесиста и полноводна, и находится ли она в низине и душна, или на возвышении и прохладна».

[129] Под «подведенными водами» (ἐπακτοῖς ὕδασι) имеются в виду воды, поступающие по акведукам. Гиппократ упоминает о них в соч. «О воздухе, водах и местностях» IX.1 (Littré II, 36): «В основном от каменной болезни страдают люди…, которые используют подведенные воды, поступающие издалека». – «Родниковые воды» (πηγαίοις) Гиппократ считает жесткими: «во-вторых, воды бывают из источников, исходящих из скал, ибо они обязательно жесткие, или из земли, где есть горячие воды, или в них содержится железо, или медь, или серебро, или золото, или сера, или квасцы, или битум, или щелок, ибо все это возникает под воздействием тепла. Следовательно, из такой земли не могут происходить хорошие воды, но жесткие и обжигающие» (*О воздухе, водах и местностях* VII. 36, Littré II, 28–30). – «Дождевые воды» (ὀμβρίοις), согласно Гиппократу, самые легкие, приятные, мягкие и прозрачные (*Ibid*. VIII, 2, Littré II, 32). – «Вода из озер» (ἐκ λιμνῶν) «дурна для всякого употребления, поскольку те воды, что болотистые, стоячие, и озерные воды летом непременно бывают горячие, жирные и имеющие дурной запах, поскольку не текут, но вследствие того, что она пополняется постоянно обновляемой дождевой водой и солнце палит, она непременно бывает бесцветна, дурна и похожа на желчь» (*Ibid*. VII, 2, Littré II, 26). – Наконец, наиболее пригодной для употребления Гиппократ считал речную воду: «И если бы в этой стране были реки, которые отводят от нее застоявшуюся и дождевую воду, то эти люди были бы здоровы и полны жизни» (*Ibid*. XXIV, 16, Littré II, 88).

[130] Ср.: Гиппократ. *О воздухе, водах и местностях* VII. 9 (Littré II, 30); IX. 2 (II, 38): «Щелочные» (νιτρώδεσι) воды содержали щелок (карбонат натрия), натуральный минерал, а «квасцовые» (στυπτηριώδεα) – квасцы (оксид алюминия).

[131] Важности владения методом логических доказательств, который позволяет устанавливать различия между разными видами заболеваний, Гален посвятил две первые книги своего обширного сочинения *О методе лечения*. В начале трактата он пишет (Kühn X, 15): «И относительно различия болезней, сколько их и каковы они, и подобным образом относительно симптомов, а также причин каждой из них первым из всех тех, кого мы знаем, заложил верные основы, как нам кажется, Гиппократ».

[132] Термин ἔνδειξις означает у Галена указание к лечению, которое является результатом наблюдения видимых признаков (σημεῖα) болезни.

[133] В трактатах *Об элементах согласно Гиппократ*у (Kühn I, 415) и «О различиях болезней» (Kühn VI, 841) Гален излагает унаследованное от Гиппократа учение о природе тела. Из простых первоэлементов всех тел (ἐκ τῶν πρώτων στοιχείων), то есть из воды, огня, земли, воздуха и их свойств – жара, холода, сухости и влажности состоят так называемые гомеомерные части (ὁμοιμερῆ – различные равномерные ткани тела, кости, нервы, вены, связки, артерии, сухожилия и др. (см. Аристотель. *О частях животных* II, 648a6–655b27), которые, в свою очередь, входят в состав органов (τῶν ὀργανικῶν μορίων – печень, легкие и др.).

каждого из названных элементов и каково их действие – причем не следует оставлять знание этих вещей без испытания, но удостовериться доказательством, – преподается именно логическим методом. 8. Так чего же еще недостает, чтобы врач, который достойно занимается искусством Гиппократа, был философом? Ибо если для того, чтобы изучить природу тела, различия болезней и показания к лечению, ему подобает упражняться в логическом умозрении, а чтобы трудолюбиво предаваться этому занятию – презирать деньги и упражняться в воздержании, то он обладает всеми частями философии – логикой, физикой и этикой[134]. 9. Ибо нет опасения, что презирающий деньги и упражняющийся в воздержании совершит что-нибудь несправедливое. Ведь всякую несправедливость, на которую решаются люди, они совершают под влиянием сребролюбия или из обольщения удовольствием. 10. Таким же образом ему необходимо обладать и другими добродетелями. Ибо они все следуют одна за другой и невозможно, усвоив какую-то одну, тотчас не иметь следом и все другие, словно связанные одной нитью. 11. И конечно, если философия необходима врачам в начальном обучении и в последующей практике, то очевидно, что всякий, кто будет совершенным врачом, тот будет также философом[135]. 12. Ведь я думаю, что никто не нуждается в доказательстве того, что врачам для успешного занятия своим искусством необходима философия, поскольку часто видели, насколько сребролюбивы не врачи, а торговцы снадобьями, которые используют свое искусство противоположным естественному образом.

IV. 1. Итак, будешь ли ты еще спорить о наименованиях и состязаться в пустословии, полагая, что врач может быть воздержным, умеренным, презирающим деньги и справедливым, не будучи философом, и знать природу тел, функции органов, пользу частей, различия болезней и показания к лечению, не упражняясь в логическом умозрении? Или, уступив фактам, ты постыдишься спорить о наименованиях[136]? 2. Ну, даже если и поздно, лучше сейчас, образумившись, не вздорить, подобно галке или вороне из-за слов, но стремиться к истине самих дел. 3. Ибо ты не можешь сказать, что какой-нибудь ткач или сапожник[137] никогда не мог бы стать совершенным без обучения и упражнения, тогда как кто-нибудь окажется вдруг справедливым, или умеренным, или убедительным в доказательстве, или искусным в знании природы, не обращаясь к учителям и не упражняясь! 4. Итак, если это рассуждение[138] принадлежит человеку бесстыдному, и то другое – тому, кто спорит не о фактах, а о наименованиях, прежде нам следует философски рассудить, истинные ли мы подражатели Гиппократа, и если

---

[134] Деление философии на логику, физику и этику заимствовано не у Гиппократа, а у стоиков. Согласно Диогену Лаэрцию, первым, кто подразделил философию на три части, был Зенон Китийский (D. L. VII 39). Гален полагает, что логика позволяет использовать в медицине метод доказательства для подразделения болезней на роды и виды и применять к ним соответствующее лечение; физика изучает природу и строение тела, которое состоит из простых частей, гомеомерных и органических; а этика учит врача презирать деньги и почитать воздержание и трудолюбие, которые служат непременным условием всех других добродетелей.

[135] Автор сочинения *О благоприличном поведении* из Гиппократова корпуса (Littré IX, 232) отмечает: «Поэтому необходимо перенести мудрость в медицину и медицину в мудрость. Ибо врач-философ равен богам, ведь между тем и другим небольшая разница, и все, что свойственно мудрости, есть и в медицине».

[136] Речь идет, видимо, о споре относительно значения слова «философ». Оппоненты соглашались с тем, что перечисленные качества (умеренность, презрение к деньгам, честность и др.) присущи философам, однако не признавали, что наименование «философ» применимо к врачу, обладающему этими качествами. С другой стороны, признавая, что врач обладает перечисленными знаниями (природа тела, функции органов, различие болезней, показания к лечению), они утверждали, что он не владеет методом логических доказательств. Гален критикует оппонентов на уровне слов и на уровне фактов, показывая, что оппонент не знает фактов и потому отрицает познания врача в логике, а если признает эти факты, то спорит о наименованиях.

[137] Гален часто приводит сравнения с ремесленниками, поскольку они, как и врачи, обладают τέχνη – «ремеслом» или «искусством», методу и правилам которого научились от наставников. Что касается медицины в иерархии искусств, то Гален помещает ее то среди благородных дисциплин, таких как философия (*Протрептик*, Kühn I, 39), то относит к труду ремесленников (*О строении медицинского искусства*, Kühn I, 230), где сравнивает медицину с трудом ткача и сапожника.

[138] То есть рассуждение о фактах (возможно ли стать ремесленником без выучки и упражнения), которое противостоит другому рассуждению – о наименованиях.

мы будем так поступать, то нет никакого препятствия стать не только подобными ему, но даже превзойти его, изучая его прекрасные писания и открывая недостающее.

Медицинское искусство

Предисловие

Трактат «Медицинское искусство» Галена относится к числу его самых известных сочинений и представляет собой синтез медицинских знаний автора в области патологии. Текст посвящен как теоретическому осмыслению медицинского искусства и составляющих его понятий, так и медицинской практике, понимаемой как искусство устанавливать диагноз на основании признаков и применять соответствующее лечение, исходя из знания причин. Важным аспектом сочинения выступает перечень большого числа других трактатов Галена, многие из которых в настоящее время утрачены. Доступность и стройность изложения, строгий методологический подход и небольшой объем текста обеспечили ему исключительную востребованность и популярность в медицинских школах как на Западе, так и на Востоке. Сочинение было переведено на сирийский, арабский, латинский и еврейский языки и изучалось вплоть до начала эпохи Возрождения. Оно было предназначено как для начинающих студентов-медиков, так и для практикующих врачей, которые пользовались этим текстом, содержащим краткое изложение основных положений учения Галена, как справочным пособием.

Уже в поздней Античности «Ars medica» пристально изучалась и комментировалась, порождая неизбежную полемику и множество теорий. В IV в. н. э. придворный врач императора Юлиана Отступника Орибазий включил многочисленные цитаты из этого текста в своей «Медицинский сборник» (*Collectiones medicae*). В середине IV в. александрийский иатрософист Магн ввел это сочинение Галена в программу пропедевтического курса Александрийской медицинской школы, в которой сформировались традиции позднего греко-александрийского галенизма, просуществовавшие до взятия города арабами в 646 г. Наследниками этой традиции на Западе была Равеннская школа, а позднее Салернская школа.

Через греческие рукописи рецепция «Ars medica» распространяется и в восточном направлении. В IX в. знаменитый несторианский переводчик Хунайн ибн Исхак перевел этот текст сначала на сирийский, а затем на арабский языки. Арабские ученые Абу-ль-Фарадж и Али ибн Ридван составили два комментария к этому тексту. Комментарий последнего был переведен в XII в. вместе с арабским текстом «Ars medica» на латинский язык Герардом Кремонским под названием *Commentum Haly* и служил основой для последующих западных комментариев.

В XII в. представители Салернской медицинской школы составили собрание медицинских сочинений переводов с греческого или арабского, которое представляло собой нечто вроде «канона» школьных текстов по медицине. *Tegni* (от искаженного греческого Τέχνη), или *Ars minor,* или *parva*[139] была последней книгой, добавленной в этот сборник, получивший название *Articella*. «Медицинское искусство» Галена быстро вошло в программу медицинских факультетов Европы, где теории Галена в то время приобрели первостепенное значение, и на протяжении XIII–XIV вв. составляло неотъемлемую часть медицинского образования в университетах Болоньи, Монпелье, Падуи и Парижа. В эпоху Средневековья текст неоднократно комментировался, причем в разных жанрах (reportationes, quaestiones, commentaria). Среди наиболее известных комментаторов, отличавшихся широтой охватываемого материала и разнообразием подходов, можно назвать Бартоломео Салернского, Дино дель Гарбо, Пьетро Торраджино и Джакопо да Форли. Популярность этого текста не ограничивалась только медицин-

[139] В отличие от *Ars major*, под которым подразумевалось сочинение Галена «О методе лечения» (*De methodo medendi*).

ским кругом, в XIV в. о нем упоминает в своем «Пире» Данте (I, VIII, 2). О популярности этого сочинения свидетельствует и богатая рукописная традиция; одних только греческих рукописей сохранилось более 40, не считая переводов.

«Медицинское искусство» представляет собой свод медицинских знаний Галена в области патологии. Композиционно текст состоит из пролога, трех частей и заключения. После небольшого пролога (гл. Ia), посвященного теоретическому рассуждению о различных способах преподавания медицины, Гален переходит к общему определению медицинского искусства и составляющих его понятий (гл. Ib – II). Затем он обращается к медицинской практике, которая понимается как искусство устанавливать диагноз на основании признаков (гл. III–XXII) и применять соответствующее лечение, исходя из знания причин (гл. XXIII–XXXVII. 5). В заключении приводится перечень собственных сочинений, изучение которых позволяет более детально рассмотреть затронутые темы.

В прологе Гален ставит вопрос о методологии преподавания разных видов искусств и, в частности, медицинского искусства. Рассматриваются три возможных способа изложения материала: первый способ исходит из понятия цели и основывается на анализе, второй исходит из синтеза элементов, раскрытых посредством анализа, а третий основан на разложении или раскрытии определения (Ia. 1). Гален выстраивает трактат в соответствии с третьим методом, кратко описав его преимущества и причины своего выбора. Таким образом, отправной точкой изложения материала служит понятие медицины, которое Гален будет поэтапно раскладывать на составляющие его определения, каждое из которых в свою очередь также будет подвергаться анализу и разложению (Ia. 2–4). Он замечает, что речь пойдет только о главных моментах, а более подробные рассуждения можно будет найти в других его сочинениях (Ia. 5).

В начале первой части трактата Гален дает общее определение медицине, которая понимается как «наука о здоровом, болезненном и безразличном» (Ib. 1). При этом каждое из этих понятий относится к телу, причине и признаку, которые обладают конкретными функциями: тело способно принимать здоровье, болезнь или безразличное состояние, причина производит и поддерживает эти состояния, а признак указывает на них (Ib. 2–5). Этим теоретическим разделениям на практике соответствуют установление диагноза на основании признаков и обнаружение вызывающих их причин (Ib. 6). Функции тел, причин и признаков, в свою очередь, следует рассматривать «вообще» и «в настоящий момент», причем понятие «вообще» может пониматься в двух временных категориях – как понятие «всегда» и понятие «чаще всего» (Ib. 7). Далее Гален уточняет, что безразличное (или нейтральное) состояние тоже можно понимать трояко – как не причастное ни здоровому, ни больному; как причастное тому и другому одновременно; как причастное то одному, то другому. Второй случай также допускает разделение, поскольку безразличное состояние может быть причастно каждому из противоположных состояний в равной мере, а может какому-то одному из них в большей мере (Ib. 8). Перед тем, как перейти к непосредственному анализу тел, признаков и причин, Гален уточняет, что при их рассмотрении он будет опираться не на все частные случаи, ибо это невозможно, и не на некоторые случаи, ибо это недостаточно, но на те или иные случаи, что достаточно для постижения всех частей искусства (Ib. 9–10).

Итак, Гален переходит к рассмотрению тел – здоровых, больных и безразличных – в соответствии с установленными разделениями. Отличительные свойства каждого состояния тела анализируются применительно к темпераменту или «смешению» в теле жара, холода, сухости и влажности в первых и простых частях, иначе называемых «гомеомерными». С другой стороны, рассматривается «соразмерность» тела в органах, понятие которой охватывает вид, размер, число и местоположение органов. Рассуждение начинается с рассмотрения здоровых тел «вообще», затем Гален переходит к рассмотрению тел в трех временных категориях: «в настоящий момент», «всегда» и «чаще всего» (II. 1). В таком же порядке анализируются отличительные свойства болезненных и безразличных тел (II. 2–7).

Во второй части трактата Гален обращается к рассмотрению признаков здоровья, болезни и безразличного состояния. Признаки здоровья позволяют диагностировать и прогнозировать здоровье, а также напоминать о прошлом здоровом состоянии. Точно так же признаки болезни и безразличного состояния указывают на больное или безразличное состояние в настоящем, прошлом и будущем (III. 1–4). Далее Гален на примере здоровых тел переходит к более детальному обсуждению признаков, позволяющих установить верный диагноз. Здесь, с одной стороны, следует рассматривать сущность тел, а с другой, функции органов. Признаки указывают врачу одновременно на темперамент и соразмерность тела и его частей. Дав определение наилучшему состоянию тела, Гален перечисляет разные отклонения от этого состояния сначала у здоровых тел, поскольку идеальное состояние может существовать только теоретически, далее у больных и безразличных тел, которые занимают среднее положение между здоровыми и больными телами. Таким образом, сфера медицинского изучения охватывает все состояния, которые находятся в промежутке между наилучшим состоянием и болезнью (IV. 1–12).

Признаки здоровья, болезни и безразличного состояния тесно связаны с теми или иными частями тела, которые указывают на них. Поэтому далее Гален приводит классификацию частей тела. Он различает управляющие части, или «первоначала» (головной мозг, сердце, печень и яички); части, которые происходят от этих управляющих частей (нервы, спинной мозг, артерии, вены, семенные каналы); части, которые зависят только сами от себя (хрящ, кость, железа, жир и др.), и те части, которые питаются артериями, венами и нервами (легкие, желудок, почки и др.). Кроме того, есть части, которые не имеют никакого управления, но только рождение, к которым относятся волосы и ногти (V. 1–3). Затем Гален переходит к описанию признаков различных темпераментов управляющих частей, тела целиком и его частей.

Гален различает простые темпераменты тела (горячие, холодные, сухие и влажные) и сложные темпераменты, в которых преобладают два качества – жар и сухость, жар и влажность, холод и влажность, холод и сухость. Среди управляющих частей первым рассматривается мозг. Гален выделяет пять признаков, необходимых для его диагностики: строение головы и состояние чувствительных (зрение, вкус, слух, обоняние), действующих (движение), владычествующих (память, мышление) и естественных функций (жизнь). Анализ этих признаков позволяет врачу сделать вывод о сущности мозга, которая может быть тонкой или плотной, горячей или холодной, подверженной или не подверженной изменению. Все признаки, как и ранее, обсуждаются относительно наилучшего состояния в условиях пребывания в умеренном климате (VI). Далее анализируются случаи отклонения от этой нормы в простых темпераментах (VII) и сложных (VIII). Что касается органов чувств, расположенных в голове, то они также рассматриваются относительно наилучшего состояния, а в качестве примера разбираются простые темпераменты глаз (IX).

Далее Гален переходит к признакам, позволяющим диагностировать простые и сложные темпераменты сердца (X–XI), печени (XII), яичек (XIII). После анализа управляющих частей рассматриваются темпераменты тела в целом. Гален подчеркивает важность распознавания признаков тела, которое имеет не просто уравновешенный темперамент, но пребывает в умеренном климате и соблюдает размеренный образ жизни (XIV). Также рассматриваются четыре простых темперамента тела (XV) и сложные (XVI). После обсуждения признаков тела, в целом Гален замечает, что это рассуждение относится по аналогии ко всем частям тела и в качестве примера разбирает отличительные признаки простых и сложных темпераментов желудка (XVII) и легких (XVIII). В последнем примере он замечает, что различные темпераменты легких влияют на силу голоса, а состояние трахеи – на его высоту и тембр.

В XIX–XXII главах Гален переходит к рассмотрению признаков, которые служат диагностике «соразмерности» органов, то есть их правильному соотношению в величине, строении, числе и расположении. Гален приводит два примера аномалий внутренних органов – желудка и печени, которые доказывают важность изучения анатомии и физиологии для установления

верного диагноза (XIX). Затем следует описание заболеваний, от которых страдают больные тела при нарушении соразмерности мозга, сердца, печени, желудка, грудной клетки и трахеи. Эти заболевания проявляются в телах, которые больны в настоящий момент, и выражаются через признаки болезни (XX, 1).

Далее Гален рассматривает признаки, характерные для людей, которым предстоит заболеть или выздороветь. По причине промежуточного состояния между болезнью и здоровьем признаки состояния таких людей Гален называет безразличными или нейтральными. Если они предвещают будущую болезнь, то они называются болезненными, а если указывают на исцеление, то здоровыми. Таким образом, одни и те же признаки в разных отношениях имеют три смысла, именуясь здоровыми, болезненными и безразличными (XXI, 4). Затем Гален обращается к рассмотрению признаков, которые прогнозируют будущее заболевание. Среди них одни удаляются от нормы в количестве, качестве и времени и называются естественными, а другие принадлежат к категории противоестественных (XXI, 8–16). В качестве примера естественных признаков Гален приводит аппетит, который может усилиться или ослабеть, или появляться в необычное время, или к необычным продуктам. А к противоестественным признакам относятся, например, жжение в животе или умеренная головная боль, которая еще не мешает заниматься обычными делами.

И, наконец, Гален переходит к анализу признаков, присущих уже больным людям (XXII). Эти признаки также могут называться здоровыми, если они указывают на выздоровление больного, и больными, если превалирует болезнь. Они определяются по хорошему или дурному состоянию функций частей тела. Здесь Гален возвращается к четырем видам частей человеческого тела, о которых он подробно рассуждал в V главе. На этом он завершает свое рассуждение о признаках и переходит к изложению причин болезней.

Рассуждая о причинах, Гален различает причины здоровья, болезни и безразличного состояния. Он отмечает, что для врача особенно важно знание первых причин, поскольку они необходимы для выбора верного лечения. Согласно Галену существует три вида причин здоровья: «сохраняющих» здоровье; «созидающих» здоровье или «терапевтических» причин; и «предупреждающих» заболевание или «профилактических». Изложение своего учения о причинах Гален начинает с рассмотрения причин, сохраняющих здоровье, и их общих особенностях (XXIII). Число этих сохраняющих причин зависит от степени отклонения тела от совершенного состояния и, соответственно, его изменения. В некоторых случаях они могут не только сохранять настоящее здоровье, но и улучшать его состояние. Тогда они называются «исправляющими». Основное различие между сохраняющими и исправляющими причинами состоит во времени, которым располагает врач для лечения и исправления отклонений, поскольку тело не приемлет резких изменений (XXV, 8). Эти два типа причин могут зависеть как от обязательных обстоятельств (например, климат, пища, питье, бодрствование, сон), так и от необязательных (охота, война). Медицина учитывает только обязательные обстоятельства, предписывая, например, соответствующий режим и диету. В зависимости от количества и качества этих обстоятельств и изменений тела, происходящих под их влиянием, эти причины могут быть сохраняющими здоровье или болезненными и разрушающими здоровье (XXIII, 13).

Далее Гален переходит к рассмотрению причин, способствующих сохранению здоровья в случае совершенного состояния тела (XXIV). Здесь он различает два случая: состояние тела при хорошем смешении воздуха и при плохом. Задача врача состоит в том, чтобы поддерживать или восстанавливать равновесие между различными внешними воздействиями, которые могут охлаждать, согревать, иссушать или увлажнять тело. Кроме того, врач должен внимательно следить за качеством и количеством привносимого.

Сохраняющие здоровье причины относятся также и к телам, которые незначительно отклоняются от совершенного состояния (XXV–XXVII). Эти отклонения могут касаться темперамента (или смешения) и соразмерности частей тела, то есть их строения, размера, числа

или местоположения. Для сохранения здоровых частей врач будет прибегать к сохраняющим причинам, а для исправления больных частей – к исправляющим причинам. Третья разновидность отклонений выражается в «нарушении целостности» тканей и органов, которое может встречаться у еще здоровых людей.

Вторая категория причин здоровья – терапевтические причины – имеет дело с уже больными людьми (XXVIII). Гален начинает рассмотрение этих причин с категории нарушения темперамента. Однако прежде он проводит различие среди здоровых причин, отмечая, что они могут относиться: к уже сформировавшемуся нарушению темперамента; к происходящему нарушению темперамента; к нарушению темперамента, которое может вскоре произойти. В первом случае врач обращается, главным образом, к терапевтическим причинам, поскольку его задача состоит в том, чтобы вылечить больного. Во втором случае он будет использовать одновременно профилактические и терапевтические причины, поскольку необходимо предупредить развитие недуга и остановить болезнь на начальной стадии. В третьем случае он обращается к профилактическим и сохраняющим причинам, чтобы предупредить развитие болезни и сохранить настоящее здоровье. Таким образом, роль терапевтических причин состоит в том, чтобы подавить причину болезни (XXVIII, 4).

Далее Гален переходит к анализу заболеваний, вызванных нарушением темперамента (XXVIII, 5 и далее). Врачу необходимо подавить состояние, вызывающее болезнь, и восстановить недостаток противоположного состояния, например, при жарком и сухом темпераменте назначить меры, которые будут увлажнять и охлаждать темперамент больного. Гален приводит разные средства, имеющиеся в распоряжении врача: лекарства, предписания режима и питания, различные меры по изменению и эвакуации соков.

Что касается заболеваний, относящихся к нарушению целостности (XXIX–XXXII), Гален выделяет несколько видов этой патологии, детально описывает их и дает указания относительно соответствующего лечения. Разрыв целостности может касаться мягких тканей в случае ран и порезов, костей в случае переломов и, наконец, нервов и сухожилий. Также Гален рассматривает осложненные патологии, которые он называет сложными состояниями, при которых одна часть поражена сразу несколькими недугами (XXXII).

В главах XXXIII–XXXV Гален приводит заболевания, которые вызваны нарушением соразмерности частей тела. Чаще всего они затрагивают строение части (XXXIII) и могут быть врожденными или приобретенными. Также рассматриваются случаи закупорки и противоестественного скопления крови или гноя, требующие вскрытия, каутеризации или эвакуации жидкостей иным способом. Гален приводит случай переполнения кровью какой-либо части тела и способы эвакуации избытка крови (XXXIV) – путем обратного всасывания или путем ее выведения через пораженную часть. Пример сопровождается обширными теоретическими рассуждениями о правильном выборе между различными способами эвакуации и практическими советами по проведению операции (XXXIV, 3–17). В следующей главе Гален кратко рассматривает заболевания, вызванные нарушением числа частей, которые могут выражаться в недостатке или избытке частей тела (XXXV, 1–4), а также заболевания, относящиеся к размеру органов (XXXV, 5) и их местоположению (XXXV, 7).

В XXXVI главе Гален рассуждает о профилактических причинах, которые действуют в трех случаях: когда человек полностью здоров; когда он имеет какие-то отклонения от безупречного здоровья; и когда он болен. В первом случае профилактические причины действуют вместе с сохраняющими причинами, а в последнем – вместе с терапевтическими. Профилактические причины влияют, главным образом, на жидкости тела. Во избежание болезни следует либо устранить излишки соков, либо восполнить их недостаток. Гален перечисляет разные способы изменения соков или их эвакуации в случае необходимости.

Изложение причин Гален завершает рассуждением о промежуточном состоянии между болезнью и здоровьем, которое присуще пожилым людям и выздоравливающим (XXXVII, 1–

4), и прилагает к ним новые виды причин – «восстанавливающие» и «укрепляющие». К ним он относит сон, физическую активность, еду, напитки, растирания, омовения и др., а за более подробными сведениями отсылает к своему главному сочинению по терапии «О методе лечения».

В конце сочинения Гален приводит библиографическое описание своих сочинений по отдельным направлениям медицинского искусства, которое он адресует своим ученикам и читателям для облегчения поиска нужного материала в его огромном корпусе текстов. Каталог составлен по тематическому принципу: сначала Гален приводит два трактата, сходные по содержанию с «Медицинским искусством» (XXXVII, 6), затем следуют сочинения о темпераментах (7); тексты по физиологии (8) и анатомии (9–10); трактаты, необходимые для диагностики и прогностики заболеваний (11–12), сочинения по терапии (13) и, наконец, логические трактаты, изучение которых должно предварять любые занятия медициной. Список заканчивается замечанием Галена о том, что он намеревается составить отдельное сочинение, посвященное собственным сочинениям.

И. В. Пролыгина

Медицинское искусство[140]

Ia. 1. Все способы наставления (διδασκαλίαι), придерживающиеся порядка, – трояки: первый исходит из понятия цели согласно анализу (κατὰ ἀνάλυσιν), второй – из синтеза (ἐκ συνθέσεως) того, что открыто посредством анализа, и третий – из разложения определения (ἐξ ὅρου διαλύσεως), к которому мы теперь и обращаемся[141]. Подобное наставление можно назвать не только разложением определения, но и раскрытием, как назвали его одни, или анализом или разделением, как некоторые другие, или объяснением или изложением, как третьи. 2. Такое наставление попытались дать некоторые из учеников Герофила[142], как Гераклид Эритрейский. Согласно синтезу попытались [написать наставление] и сами ученики Герофила, и некоторые из учеников Эразистрата[143], и Афиней Атталийский[144]. Однако никто из наших предшественников не написал наставления, исходящего из понятия цели, из которого в согласии с методом состоят все искусства. 3. Но мы изложили его в другом месте[145], здесь же обратимся к наставлению, исходящему из определения, ибо насколько оно уступает наставлению согласно анализу в авторитете и методе, настолько мы обнаружим его превосходящим в обозрении целого и запоминании частей[146]. 4. Все состоящее из разложения определения запоминается достаточно легко благодаря тому, что наилучшее определение содержит в себе главные [принципы] всякого искусства, и некоторые называют это определение сущностным (οὐσιώδη), противопоставляя его тем, которые именуются понятийными (ἐννοηματικοῖς). Ибо последние состоят из случайных свойств предметов, которыми они определяются, а первые – из самой сущности[147].

---

[140] Перевод сочинения «Медицинское искусство» (греч. Τέχνη ἰατρική, лат. *Ars medica*) выполнен по изданию Galien. Exhortation à l'étude de la médicine. Art médical. T. 2 / Texte établi, traduit et annoté par V. Boudon-Millot. Paris: Belles lettres, 2002 (= Kühn C. G. Galeni. *Opera Omnia* I, 305–412). Рус. перевод впервые был опубликован: Гален. *Ars medica. Медицинское искусство* (I–XVIII). Пер. с древнегреч. и прим. И. В. Пролыгиной / Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 95–129; Гален. *Ars medica. Медицинское искусство* (XIX–XXXVII). Пер. с древнегреч. и прим. И. В. Пролыгиной / *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. Вып. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 108–153. В настоящем издании приводится с некоторыми изменениями. Приводимые в примечаниях цитаты из других сочинений Галена и текстов Гиппократа даются в нашем переводе.

[141] Пролог посвящен методологии преподавания медицинского искусства, которой Гален придавал большое значение. К сожалению, промежуточные этапы его рассуждений по этому вопросу не сохранились. Гален обращается к третьему способу преподавания, который исходит «из разложения определения» на составляющие его части. Таким образом, *Ars medica* построена вокруг понятия медицины, которое Гален принимает за отправную точку и будет раскрывать на основе входящих в это понятие определений. Последние в свою очередь также будут подвергаться анализу и разложению. О трудности интерпретации этих трех способов преподавания см. Boudon 1993: 120–141.

[142] Наследие Герофила Халкедонского, знаменитого александрийского анатома последней трети IV в. до н. э., сохранилось только во фрагментах (см. von Staden 1989). Он имел много последователей, среди которых был и Гераклид Эритрейский, известный своими комментариями к «Эпидемиям» Гиппократа и сочинениям Герофила (*In Hipp. Epid*. VI. 1. I: Kühn XVII A, 793–794; *De diff. puls*. IV, 10: Kühn VIII, 741).

[143] Сочинения Эразистрата, известного александрийского врача и анатома середины III в. до н. э., которого Гален упоминает обычно в тесной связи с Герофилом, также сохранились только во фрагментах (см. *Erasistrati Fr.*). Гален часто упоминает и цитирует сочинение Эразистрата «О разделениях» (Kühn XI, 199. 8; 206. 7). Эразистрат также имел многочисленных последователей, с которыми Гален часто вступал в полемику в Риме.

[144] Афиней Атталийский известен как основатель медицинской школы пневматистов, самым известным представителем которой был Архиген Апамейский в нач. I в. н. э. Сторонники этой школы придавали большое значение понятию «пневмы», вездесущего огненного воздуха, который наполняет, животворит и сохраняет всякую вещь. Гален упоминает о том, что Афиней имел много учеников (Kühn VII, 295; VIII, 749) и восхваляет его главный труд в 30 книгах за точность определений (Kühn I, 457; XIX, 347).

[145] Гален имеет в виду сочинение «О составе медицинского искусства» (*De const. art. med.*: Kühn I, 224–304), в котором он использовал метод наставления посредством анализа, подходящий всем видам искусств (I, 226, 6–7).

[146] Гален принимает за отправную точку определение медицины, которое затем разлагает на множество составляющих это определение понятий. С педагогической точки зрения такой выбор оправдан, поскольку он позволяет начинающим усвоить план сочинения и обозреть область медицины как целиком, так и в ее отдельных частях.

[147] Гален имеет в виду два типа определений, которые он различает в *De diff. puls*. (Kühn VIII, 717). Сущностным определениям, исходящим из сущности рассматриваемой вещи (напр. человек есть существо живое, разумное, смертное, склонное к

5. Детальное изложение всей медицинской теории было написано нами во многих других работах, которыми можно воспользоваться относительно трех способов наставления[148]. Теперь же давайте приступим к тому, [который исходит] из определения, прибавив еще столько, чтобы вести речь только о главных моментах, словно о выводах изложенных доказательств.

Ib. 1. Медицина – это наука о здоровом (ὑγιεινῶν), болезненном (νοσωδῶν) и безразличном (οὐδετέρων)[149], и не будет никакой разницы, если кто-то скажет, что о больном (νοσερῶν)[150]. Итак, наименование науки следует понимать в общем, а не в частном смысле. 2. Здоровое, болезненное и безразличное, каждое понимается трояко: во-первых – как тело, во-вторых – как причина, и в-третьих – как признак[151], ибо и тело, принимающее здоровье, и производящая и поддерживающая здоровье причина, и указывающий на него признак – все это греки называют здоровым. 3. Таким же образом, [они называют] болезненными и принимающие болезни тела, и производящие и поддерживающие болезни причины, и указывающие [на них] признаки. 4. И, понятное дело, тела, и причины, и признаки могут в том же смысле быть безразличными. 5. Согласно первому рассуждению медицина – это наука о причинах здоровья, а благодаря им уже и о других; согласно второму – о причинах болезни, а согласно третьему – о причинах безразличного состояния. И после этого она – наука о телах, и сначала – о здоровых, затем – о больных, а потом – о безразличных. Точно так же обстоит дело и с признаками. 6. Однако на практике сначала, конечно, бывает распознавание тел на основании признаков, а затем уже обнаружение вызывающих их причин.

7. Но поскольку способность производить, указывать и принимать, каждая понимается двояко – с одной стороны, вообще (ἁπλῶς), а с другой, – в настоящий момент (ἐν τῷ νῦν), следует знать, что медицина – это наука и о том, и о другом. И само это понятие «вообще» может пониматься двояко – как понятие «всегда» (διὰ παντός) и как понятие «по большей части» (ὡς ἐπὶ τὸ πολύ). И медицина – это наука и о том, и о другом. 8. И, конечно, безразличная причина, признак и тело, рассматриваемое вообще и в настоящий момент, каждое понимается трояко[152] – во-первых, как не причастное ни одному из противоположных состояний, во-вторых, как причастное и тому и другому, и в-третьих, как причастное то одному, то другому. И второе из этих состояний понимается двояко – как причастное то каждому из противоположных состояний в равной мере, то одному из них в большей мере.

9. Но и относительно общего определения существует некая терминологическая трудность, которую также необходимо разъяснить. Ибо словами о том, что медицина – это наука о здоровом, болезненном и безразличном, с одной стороны, обозначается понятие о всех частных случаях (τὸ πάντων τῶν κατὰ μέρος), с другой, обозначается понятие о некоторых случаях

занятиям науками и искусствами), противопоставлены понятийные определения, которые ограничиваются случайными привходящими свойствами предмета (напр. человек есть существо с плоскими ногтями, прямой осанкой, покрытое волосами).

[148] Отсылая читателя к трем способам преподавания, Гален имеет в виду свои более ранние сочинения: преподавание посредством анализа отражено в сочинении «О составе медицинского искусства» (*De const. art. med.*); наставление посредством синтеза – в сочинении «О методе лечения» (*De methodo medendi);* наставления на основе разложения определения – в настоящем трактате.

[149] Это определение приписывается Герофилу Александрийскому (*De simpl. med. temp*. I, 23: Kühn XI, 421, 15–422.1; Ps.-Gal. *Introd. seu med*. 6: Kühn XIV, 688, 11–12). По мнению Г. фон Штадена, оно могло быть известно Галену по сочинению Аристоксена «О школе Герофила», которое содержало множество отрывков из сочинений Герофила и его учеников (Von Staden 1989: 105), или из письменной традиции школы пневматистов, одним из представителей которой был Афиней Атталийский.

[150] Гален имеет в виду, что между терминами «болезненное» и «больное» нет никакой смысловой разницы.

[151] Композиция всего сочинения будет следовать этому порядку изложению материала: первая часть посвящена рассмотрению тел (гл. I–II), вторая – признакам (гл. III–XXII), а третья – причинам (гл. XXIII до конца).

[152] Это определение безразличного состояния, которое понимается тройным образом, Гален приписывает Герофилу (*De simpl. med. temp*. I. 23: Kühn XIV, 11, 421–422). В сохранившемся на арабском языке кратком изложении *Ars medica* (см. Boudon 2002: 238–239) поясняется, что не причастны двум противоположным состояниям старики и выздоравливающие, которые находятся на равном удалении от болезни и здорового состояния. Причастны и тому, и другому те, которые имеют, напр., парализованную руку или ногу, а остальное тело здоровым. И, наконец, причастны то здоровью, то болезни те, кто, напр., здоров зимой, но болен летом, или наоборот.

(τό τινων), и еще обозначается понятие о тех или иных случаях (τὸ ὁποίων). Но понятие о всех случаях неопределенно и невозможно, понятие о некоторых случаях неполно и не подлежит правилам искусства, а понятие о тех или иных случаях подлежит правилам искусства и вместе с тем достаточно для [постижения] всех частей искусства; и оно, как мы утверждаем, содержится в определении медицины. 10. Итак, давайте начнем сперва [с рассмотрения] тел: каковы те, которые оказались здоровыми, болезненными и безразличными. А после этого перейдем к изложению признаков и причин.

II. 1. Вообще здоровое тело – то, которое с рождения имеет правильное смешение[153] (εὔκρατον) в простых и первых частях[154] и соразмерность[155] (σύμμετρον) в состоящих из них органах[156]. И в настоящий момент здоровое тело – то, которое пребывает в здоровом состоянии в данный момент, и оно бывает таким, ясное дело, в то время, когда здоро́во, имеет правильное смешение и соразмерность, причем не наилучшее смешение и соразмерность, но свое собственное. А что касается здорового тела вообще, то такое тело всегда имеет наилучшее смешение и соразмерность, между тем как тому телу, которое бывает таковым по большей части, немного недостает наилучшего устроения.

2. Болезненное тело вообще – то, которое имеет с рождения или неправильное смешение в гомеомерных частях[157], или несоразмерность в органических, или и то и другое. А в настоящий момент больное тело – то, которое больно в то время, когда о нем это говорится. И очевидно, что и оно в то время, когда говорится о его болезни, или имеет неправильное смешение в гомеомерных частях, или несоразмерность в органах, или и то и другое. И всегда больно то тело, которое с рождения имеет или неправильное смешение в простых и первых частях – во всех, или в некоторых, или в наиболее важных; или имеет несоразмерность в органических, подобно тем – или во всех, или в некоторых, или в наиболее важных. А по большей части больное тело – то, которому недостает какого-то порока, однако оно еще не пребывает в среднем состоянии.

3. И безразличное тело понималось трояко: с одной стороны, как не причастное ни одному из крайних состояний, с другой стороны, как причастное и тому и другому, и еще как причастное то одному, то другому. 4. Согласно первому значению безразличным телом будет то, которое находится точно посередине между совершенно здоровым и совершенно больным телом. И вообще таковым будет [тело], которое устроено таким с рождения, а в настоящий момент – то, которое в настоящее время пребывает точно посередине между совершенно здоровым и совершенно больным телом. И что касается безразличного тела вообще, всегда таким

---

[153] Одним из ключевых понятий медицины Галена служит понятие «смешения» (κρᾶσις, лат. *temperamentum*) четырех качеств: жара, холода, сухости и влажности. Нарушения этого смешения (δυσκρασίαι) происходят из-за преобладания одного или двух из этих качеств (напр., горячего и сухого или холодного и влажного). Каждый отдельный орган или часть тела также обладает собственным смешением или темпераментом и влияет на все тело целиком, особенно так называемые «управляющие» органы, как сердце или печень. Сочетания качеств могут быть разными и проявляться рядом признаков, которые Гален будет подробно описывать далее.

[154] Под «простыми и первыми частями» Гален, видимо, подразумевает те части тела, которые в другом месте он называет «гомеомерными».

[155] Термин σύμμετρον, «соразмерность» часто употребляется вместе с понятием εὔκρατον и означает, что орган или все тело имеют устойчивое равновесие по 4 признакам: строению (διάπλασις), величине или размеру (μέγεθος), числу частей (ἀριθμὸς τῶν μορίων) и их расположению (θέσις).

[156] Словом «орган» (ὄργανον) Гален называет не только органы тела (печень, желудок, легкое), но в более широком смысле все части тела (глаза, нос, уши, руки, ноги).

[157] Термин «гомеомерный» или «подобочастный» (ὁμοιομερής) впервые встречается в биологическом смысле у Аристотеля (*Hist. anim*. 486 a 6; *De part. anim*. I. 1. 640 b 20; II. 1. 646 b 10), где гомеомерные части противопоставлены негомеомерным частям. У Галена этот термин имеет строго определенное значение однородных гистологических структур или «первичных и простых частиц», из которых состоят кости, хрящи, волокна и другие типы тканей. В *De plac. Hipp. et Plat*. VI. 2 (Kühn V, 519, 3–6) Гален пишет, что гомеомерные части, хотя и состоят из множества частиц, имеют сплошную и однородную структуру. Этим гомеомерным частям Гален противопоставляет органические части (τὰ ὀργανικά), которые состоят из разнородных частей и исполняют определенную функцию, как например, голова, печень, рука или нога.

будет тело, которое останется таким в любом возрасте, а по большей части – то, которое приемлет некоторые изменения. 5. Согласно второму значению безразличным будет то тело, которое от рождения причастно сразу [двум] противоположным состояниям – или в одной части, или в двух разных: в одной, если имеет правильное смешение согласно одному противопоставлению действующих качеств (τῶν δραστικῶν ποιοτήτων)[158] или согласно обоим, а в строении, величине, числе частей или их расположении имеет изъян или, наоборот, прекрасно устроено во всем этом или в некотором из этого, а в смешении имеет отклонения; а в разных частях и согласно всем противопоставлениям оно может быть в чем-то причастно противоположным [вещам] одновременно. И всегда таким будет тело, которое в любом возрасте остается одинаковым, а по большей части – тело, которое приемлет некоторое изменение. Таким же образом в настоящий момент безразличным будет тело согласно второму значению: когда относительно одной части тело имеет одно из присущего ему здоровым, а другое больным; или относительно разных частей. 6. Согласно же третьему значению безразличным будет то тело, которое бывает попеременно то здоровым, то больным, как случилось с некоторыми, которые в детском возрасте были здоровы, а в юношеском – сделались больны, или наоборот. И такое безразличное [состояние] не может появиться в одно определенное время, а на некоторой протяженности [времени] может; и мы знаем, что понятие «в настоящий момент» понимается двояко. 7. Итак, дано достаточно определений тому, сколько значений имеет здоровое, больное и безразличное тело, и каково каждое из них.

III. 1. Далее следовало бы сказать о признаках. Бывают и среди них здоровые – те, которые распознают (διαγνωστικά) настоящее здоровье, предвещают (προγνωστικά) будущее здоровье и напоминают (ἀναμνηστικά) о прошлом здоровье; 2. болезненные – те, которые распознают настоящую болезнь, предвещают будущую и напоминают о прошлой; 3. так же и безразличные – те, которые распознают, предвещают и напоминают безразличные состояния, и те, которые не указывают вообще ни на что относительно состояний или указывают на здоровое состояние ничуть не больше, чем на больное, и еще те, которые указывают отчасти на здоровое, а отчасти на больное состояние, и то на здоровое, то на болезненное; и эти признаки согласно трем временам схожи со здоровыми и болезненными признаками. 4. Все эти признаки древние врачи иногда называют предвещающими, даже если они указывают на настоящие или прошлые [состояния]. И большая нужда бывает в распознающих и предвещающих признаках, а в напоминающих – меньшая.

IV. 1. Итак, поскольку тела бывают здоровые – одни вообще, а другие в настоящий момент, которые называются еще пребывающими в здравии, мы сказали, что среди вообще здоровых тел существует двойное различие, поскольку они бывают таковыми всегда и по большей части: всегда – те тела, которые имеют наилучшее строение, а по большей части – те, которым его несколько недостает. 2. Диагнозы (διαγνώσεις) же этих тел следует устанавливать на основании того, что существует согласно принципу их сущности, и на основании необходимо следующих за этим функций (ἐνεργειῶν)[159] и симптомов (συμπτωμάτων), которые мы еще назы-

---

[158] «Действующими качествами» Гален называет четыре качества: жар, холод, сухость и влажность, правильное смешение которых определяет здоровье. Выражение «согласно одному противопоставлению» означает здесь пару двух противоположных качеств (напр., жар/холод или сухость/влажность). Безразличное тело может иметь равновесие в одной из этих пар, напр., смешение жара и холода уравновешено, а соотношение сухости и влажности нарушено; или иметь равновесие в обеих парах противоположных качеств, то есть в жаре и холоде, с одной стороны, и в сухости и влажности, с другой.

[159] В *De plac. Hipp. et Plat.* VI. 1 (Kühn V, 507) Гален уточняет значение термина ἐνέργεια. Он употребляется для обозначения деятельного движения (δραστικὴ κίνησις), перехода из возможности в действительность, когда это движение естественным образом присуще рассматриваемой вещи или телу. В этом смысле оно противопоставляется понятию πάθος, подразумевающему внешнее воздействие на тело. Гален приводит следующий пример: естественное движение сердца, называемое пульсацией, есть ἐνέργεια, а учащенное сердцебиение есть проявление πάθος. В *Ars medica* термин ἐνέργεια чаще всего применяется к движениям какого-либо органа, как напр., ходьба есть ἐνέργεια ноги. В этом смысле он ближе к значению слова «функция».

ваем случайно привходящими признаками (συμβεβηκότα)[160]. 3. Исходя из самой сущности тел, представляющих наилучшее строение, [различают] соразмерность гомеомерных частей в жаре, холоде, влажности и сухости; органических частей – в количестве и величине составляющих их [элементов], а также в строении и расположении каждой из частей и органа в целом. 4. А исходя из того, что по необходимости следует за гомеомерными частями, [различают] на ощупь соразмерность в твердости и мягкости, а на вид – здоровый цвет и соразмерность согласно гладкости и волосатости. 5. Согласно же функциям [различают] законченность (τελειότης), которую мы называем еще их совершенством (ἀρετήν). А исходя из того, что следует за органическими частями, [различают эту законченность] в соразмерности и красоте органов всего тела и еще в совершенстве присущих им функций. Вот таковы признаки, распознающие наилучшее строение тела.

6. А что касается тел, которым его недостает, но еще здоровых, одни из них терпят какой-нибудь небольшой недостаток в смешении гомеомерных частей, а другие – какой-то небольшой недостаток еще и в соразмерности органических частей, причем или во всех [частях], или в некоторых, или и в том и в другом одновременно. И виды этих недостатков те же, что составляют совершенство тел – смешение в гомеомерных частях и число, строение, размер и расположение в органических частях. Совокупность же этих двух частей образует единство, которое мы по праву называем еще их неразрывностью (συνέχειαν)[161]. 7. И среди самих этих видов бывает и дурное состояние болезненных тел согласно каждому из двух понятий болезненного. Критерием же для их различения служит ощутимое повреждение функции[162]. Тела, которые незначительно отклоняются от наилучшего состояния, действительно, и сами страдают от повреждения, однако неощутимо. Поэтому они указывают на большую или меньшую степень [проявления] функций и сопротивления болезненным причинам. 8. А вообще болезненные тела определяются степенью легкости, с какой они побеждаются болезненными причинами, и силой отклонения от совершенства функций. Следовательно, между этими двумя [состояниями] располагаются безразличные [состояния], понимаемые как в узком, так и в более широком смысле слова[163]. И пространство всего здоровья будет разделяться на три части, которые сами обладают обширным пространством. Первая часть будет состоять из здоровых тел, вторая – из безразличных, а третья – из болезненных, за которыми следуют уже больные тела, отмеченные ощутимыми повреждениями функций. 9. Таким образом, одни тела, страдающие от боли[164], движения которых нарушены или вовсе утрачены, имеют отчетливые границы, а те, которые приобрели ослабление функций, хорошо различимы в случае больших отклонений, а в случае меньших – неопределенны. Поэтому при этом роде повреждения возникает состояние, не причастное ни одному из двух противоположных состояний, которое, как мы сказали, называется еще безразличным, поскольку все эти вещи различаются чувством, а не самой природой вещей. Ибо есть опасность соблазниться учением о вечном страдании (ἀειπαθείας)[165]. 10. Итак, признаки тел здоровых <в настоящий момент>, будь то здоровых

---

[160] Гален описывает различные способы установления диагноза, различая то, что внутренне присуще телам, и привходящие акциденции. Термин συμπτώματα означает внешние признаки, которые помогают раскрыть внутреннее состояние тела.

[161] Гомеомерные части (волокна, нервы, хрящи и другие виды тканей) составляют органы, которым они придают «неразрывную» структуру. Повреждение органа или части тела понимается, таким образом, как нарушение этой неразрывности.

[162] Под болезненными (νοσώδη) телами Гален подразумевает как тела, которые отклоняются от наилучшего состояния и не испытывают ощутимого повреждения функций, так и тела, которые называются больными в собственном смысле, то есть «в настоящий момент», и испытывают ощутимое повреждение функций.

[163] Безразличные тела в узком смысле означают тела, которые согласно первому определению безразличного не причастны ни здоровому, ни больному; а в более широком смысле – те тела, которые согласно второму определению причастны и здоровому, и больному, а также согласно третьему определению причастны то здоровому, то больному.

[164] Боль у Галена не обладает способностью различать здоровье и болезнь. Но она может быть признаком нарушения смешения (δυσκρασία) или повреждения органа или части тела.

[165] Слово ἀειπαθεία встречается только в сочинениях Галена.

или безразличных, будут различаться степенью отступления, поскольку мы установили крайние пределы, противоположные друг другу, – наилучшее состояние и только что появившуюся болезнь, и наблюдаем, к какому из этих пределов ближе испытуемые тела. Ибо то тело, которое ближе к наилучшему состоянию, – здоровое, а то, которое от него дальше и ближе к уже достигшему болезни, – больное. То же, которое между ними и кажется в равной степени удаленным от того и другого, – безразличное.

11. И вот, мы назвали отличительные признаки наилучшего состояния тела. Что же касается тел, которым его недостает, то их роды бесчисленны, поскольку они могут классифицироваться согласно большей или меньшей степени [этого недостатка]. Поскольку мы разделили их на три части, назовем признаки вообще болезненного тела, ибо, исходя из них, будут очевидны и два прочих обширных вида. 12. Итак, согласно роду мы рассуждали выше, когда речь шла о наилучшем состоянии, а согласно виду[166] будем рассуждать теперь, поскольку прежде мы установили различие между частями [тела].

V. 1. Всего существует четыре разновидности частей тела. Одни из них суть некие первоначала (ἀρχαί), другие происходят от них, третьи не властны над управлением другими и сами не подвластны другим, обладая врожденными способностями, которые ими управляют, а некоторые обладают врожденными и одновременно притекающими способностями (δυνάμεις). 2. И вот, первоначала суть головной мозг, сердце, печень и яички[167]

[166] Обращаясь к аристотелевским понятиям рода (γένος) и вида (εἶδος), Гален хочет показать, что после определения разных видов здоровья, то есть разных категорий здорового, безразличного и больного, он перейдет к рассмотрению видов, то есть частных проявлений внутри разных частей тела.

[167] Эта классификация существенно отличается от классификации Аристотеля, у которого существует только один управляющий центр: сердце, которое служит источником естественной теплоты и жизни и дает импульс не только крови, но также чувствам и движениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.